

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Верещагин

Алексей Ефимов

**ХРУСТАЛЬНОЕ
ЯБЛОКО**

Алексей Ефимов
Олег Верещагин
Хрустальное яблоко
Серия «Хрустальное яблоко», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643995

Верещагин О. Н. Ефимов А. Хрустальное яблоко: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-51062-7

Аннотация

Их предки сумели выжить в термоядерной войне, создать могучую Русскую империю и вырваться на просторы Вселенной. Земля отстояла свою независимость в Первой Галактической войне, но теперь судьба цивилизации зависела именно от них. Пятнадцать земных мальчишек – против многомиллиардной агрессивной расы мьюри. Их миссия кажется невыполнимой, они должны предотвратить грядущую войну и обеспечить человечеству века и века мирной жизни на просторах Космоса. Игорь Сурядов, лицеист, дворянин, и его соратники – лучшие из тех, кого смогла отобрать Земля для выступления на Ярмарке миров и рас, устраиваемой мьюри, где мальчишкам предстоит участвовать в поединках – всем вместе и каждому по отдельности. Но просто сражаться и победить мало, след, который они оставят по себе, должен привести на поле чести, а не на поле брани...

Содержание

Предварение	4
Что было ...	6
Пролог	13
1. Император Всея Руси	18
2. Кадет Его Величества	43
3. Лучшие	56
4. На палубе – слушать!	80
5. Поле чести	93
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Олег Верещагин, Алексей Ефимов

Хрустальное яблоко

*Перегреется танк – заведу звездолет,
Назову его «Драккар» – и в небо уйду! Алькор.*

Предварение

Оригинальные слова песни принадлежат офицеру Советской Армии Игорю Макарову, воевавшему в одном из локальных конфликтов XX века.

Данный вариант был популярен среди бойцов последних лет Первой Галактической войны.

Пять мальчуганов жили тут в тиши, веселье, мире...
Но с неба сторки сорвались – и их
Уже четыре.

Мальчишки вчетвером пошли в десант для мести, боя —
И Землю от Чужих спасли – но их
Осталось трое.

Трое мальчишек шли в песках, плелись едва-едва...

Один растяжку прозевал – и их
Осталось два.

Двое мальчишек слышат крик, решают: «Поглядим!»
Там был скиутский штурмовик – и их
Уже один.

Один вернулся – и ему молиться бы судьбе,
Но в ликования дыму не нужен стал себе.
Он, в прошлом коротая дни, прожег себя дотла —
И... снова встретились они. Такие вот дела...

Что было ...

«Ядерная война ...-х годов XXI века фактически уничтожила земную цивилизацию, изменив не только природу и погоду, но во многом и саму географию Земли. Все прежние силы – государства, церкви, корпорации, преступные синдикаты – исчезли. Под покровом атомной зимы воцарился хаос, в котором остатки людей, не выкошенные радиацией, болезнями, голодом, сцепились в бесконечных междоусобных войнах, большие похожих то ли на феодальные схватки, то ли на стычки бандитских группировок. Серые Войны – так позднее назвали ученые этот период в истории Земли из-за того, что ожесточенные бои шли в мире, скрытом пологами плотных свинцовых туч.

В этих условиях центрами притяжения тех, кто не поддавался всеобщему одичанию, стали две организации: контролировавшая значительную часть Сибири и Севера бывшей России славянская «РА» и действовавшая на берегах Гудзонова Залива англосаксонская «Фирд». Во главе обеих организаций стояли кланы воинского дворянства, возродившегося на почве конфликта, продолжавшегося почти тридцать лет.

Ушла в прошлое зима. Снова светило солнце. Земля с трудом возрождалась из пепла. Но это было уже совершенно новое общество. Русская и Англо-Саксонская Импе-

риш, сотрудничая и соперничая, сумели построить мир, в котором в конце концов за счет нравственного и физическо-го совершенствования и воспитания человека были побеждены болезни, голод, преступность, эгоизм и многое другое – именно то, что и привело к краху предыдущей цивилизации. Отброшены были догмы демократии, причинившие человечеству так много бед. Две нации воинов и тружеников решительно вышли в космос и раздвинули границы обитаемого мира человека до пределов Солнечной системы, освоив практически все мало-мальски пригодные для жизни планеты. Так окончились пятьдесят лет Реконкисты.

На довольно долгое время (примерно на тридцать лет, этот период был назван Промежутком) порыв экспансии был погашен отсутствием средств передвижения, которые могли бы позволить людям достичь звезд. Человечество обустривало свой новый мир. Но вызов, брошенный Вселенной, не умолкал. Труды ученых и объективные законы развития Галактики привели к тому, что в России был создан и введен в действие аппарат, позволявший осуществлять то, что в доядерной фантастической литературе называлось «гиперпереход» – мгновенный прыжок через пространство.

Пред охваченными эйфорией первооткрывательства землянами распахнул ворота Великий Космос. Но мирная жизнь продолжалась, пока не сбылась великая мечта человечества – и оно не вступило в контакт с инопланетным разумом. Это произошло на 5-й год Экспансии.

К сожалению, вдохновенные и светлые мечты талантливого древнего писателя и незаурядного ученого Ефремова о братстве разумных существ в Космосе оказались несбыточными. Освоенную часть Галактики – десятки рас, сотни солнц, тысячи планет, десятки тысяч лун – раздирали зависть, жестокость, войны и восстания, а объединяла безжалостная власть дюжины наиболее могущественных звездных рас. Свободному человечеству с его возрожденными с таким трудом идеями всеобщей справедливости и личного достоинства в этом мире не было места. Люди готовы были прекратить экспансию в «заблокированных» агрессорами направлениях, справедливо считая, что космос велик и бессмысленно сражаться за него. Но самозванным повелителям Галактики этого показалось мало. Существование независимой расы, да еще основанной на таких принципах, которыми руководствовалось человечество, угрожало их миропорядку, было вызовом системе и примером для тех, кто не желал смириться с рабством. Поэтому Земле была объявлена война – именно она позже получила название Первой Галактической. Ее начали Чужие – так возродился фантастический термин давно забытого Голливуда.

Очень быстро самозванные властители убедились, что имеют дело со страшным противником. Неукротимое свободолюбие, безоглядная отвага, всеобщая спайка землян компенсировали их отсталость в вооружении и технике и гораздо меньшую общую численность. Искусно играя на за-

ранее выявленных противоречиях и старых счетах врагов, созданный для борьбы за будущее Большой Круг Объединенной Земли не только успешно оборонялся, но и развернул наступление. Десанты землян высаживались на одну планету за другой. В тылу врага вспыхивали умело подготовленные восстания. Часть противников Земли начала подумывать о мире, а то и о переходе на ее сторону...

Но на исходе второго десятилетия войны четыре наиболее активных противника Земли, собрав все силы, начали планомерное контрнаступление, беспощадно давя любые попытки подать голос в защиту мира в своих рядах. Огрызаясь, отбиваясь, войска и звездные флоты Земли отступали. В решающих битвах человечество ждала неудача – слишком огромен был перевес противника. Оттесненные фактически в границы Солнечной системы, потерявшие 9/10 военного флота и почти всю армию, люди приготвились к обороне на пороге родного дома. На планете, названной землянами Сельговия в честь могучей крепости древних времен Земли, Чужие заложили огромные склады и собирали десантную армию, угрожая Земле оккупацией. Впрочем, «почетная» капитуляция тоже была предложена. Она означала превращение Земли в вассала врага, отказ от самостоятельного развития и выдачу множества заложников.

Истощенная, полуголодная, уже целое поколение живущая в бешеном, тяжелом ритме военного завода и армей-

ского лагеря Земля затихла. Большой Круг объявил землянам условия, на которых может быть заключен мир, и предоставил альтернативу – собрать все силы, поставить под ружье пятнадцатилетних, призвать добровольцами женщин и тех, кому исполнилось тринадцать, отказаться от нормальных условий жизни окончательно – и захватом Сельговии с ее глобальными запасами выиграть время, чтобы еще раз попытаться переломить ход войны. Вопрос – «унизительный мир» или «тотальная война» – был поставлен на голосование человечества.

С подавляющим перевесом голосов оно – вопреки тому, что враги называли «здравым смыслом»! – выбрало тотальную войну.

И – победило.

Так наступила Галактическая Эра».

Выдержка из предисловия к научно-популярной электронной книге для детей П.С. Охтина «Первая Галактическая Война».

Издание 156 г. Галактической Эры.

Земля. Русская Империя. Великий Новгород.

Земля

...Будучи энергичными и экспансионистски настроенными, земляне обладают нестандартным мышлением и всегда жаждут попробовать что-то новое. Превыше всего они ценят свободу и личную независимость, но при этом мгно-

венно организуются для отпора врагу или решения каких-то глобальных проблем...

Англичане:

Хладнокровны, уравновешенны и целеустремленны как в торговле, так и в битвах. Они не поддаются как моральному, так и физическому давлению, что помогает им в сражениях и других тяжелых ситуациях. Англичане также одни из лучших звездолетчиков в Местной Зоне Галактики. Их ярко выраженные экспансионистские устремления сочетаются с не менее ярко выраженной ксенофобией (как правило, неагрессивной) – в какой-то степени даже по отношению к «соседям по планете» – русским. Англичанину нелегко на что-то решиться, но, решившись, он не отступает, пока не добьется цели...

Мужчины: немногословны, выдержанны, упорны, замкнуты, кажутся тяжеловесными в мыслях и суждениях. Храбры и ироничны. Они отличные работники и талантливые ученые, но им часто не хватает порыва духа для того, чтобы найти нестандартные решения...

Женщины: красивы, но очень холодны в отношении даже близких людей. Англичанки – прекрасные домохозяйки, но в то же время очень самостоятельны в суждениях; среди них самый большой процент из женщин всех народов Земли занимается «неженскими делами». Хотя, как правило, особыми талантами они не обладают...

Русские:

Добродушны и степенны в обычной обстановке, задумчивы и любопытны, временами порывисты и вспыльчивы – и тогда способны совершать невероятные вещи. Они великолепные работники, но могут применить свои качества в любой профессии только при условии, если серьезно возьмутся за дело. Русские – лучшие воины в Местной Зоне. Они крайне чутко реагируют на несправедливость даже в отношении чужих рас Галактики и не раз подвигали всю Землю выступить на их стороне. К другим народам относятся с добродушной иронией, по словам одного писателя, «как к большим детям»...

Мужчины: азартны и амбициозны, очень открыты и щедры. Они часто поступают самоуверенно, не просчитывая последствий своих действий, но в любой критической ситуации проявляют чудеса организованности и храбрости...

Женщины: красивые, спокойные и добрые, энергичные, общительные и веселые. Они ценят уверенность в себе и часто обладают творческим началом и изобретательностью. Большинство русских женщин – истинные «правительницы дома». Но среди русских женщин также очень много ученых...»

Выдержка из электронного издания «Расы Местной Зоны. Справочник для учебных заведений не-людей».

Издание 200 г. Галактической Эры.

Луна. Русская Империя. Звездный Порт.

Пролог

Сражение в Танна-Моо.

204 год Галактической Эры, через два века после I Галактической Войны.

Двести сверкающих защитным покрытием кораблей вышли из гиперпространства на краю системы Танна-Моо. Лишь истинно сторкское высокомерие объясняло использование столь малых сил. Никто не ожидал сопротивления.

Для сторков этот день обещал стать великим. Победа возродила бы веру в будущее Империи. В течение многих недель коммуникационные сети наводнялись пропагандой, убеждавшей сторков, что они – полноправные хозяева всех миров, давались обещания сокрушить мьюри.

Танна-Моо не была центром Федерации Йэнно Мьюри. Но в этой пограничной системе находилось крупнейшее из известных сторкам месторождений редкоземельных элементов, жизненно необходимых для производства гипердвигателей и гравиприводов. Именно поэтому Сторкад выбрал ее для демонстрации старым врагам подавляющего превосходства своего нового оружия, хотя пока что им была оснащена всего лишь одна эскадра – сила, даже не сопоставимая с размерами Флота Империи. Не сопоставимая по количеству кораблей, но теперь вполне сопоставимая по мощи...

Но мьюри всегда помнили, что самое ценное из возможных преимуществ – это информация. Колоссальный размах их торговли, превосходная электроника и деньги позволили им создать крупнейшую в Галактике разведывательную сеть, проросшую во внутренние структуры большинства государств. Каждый разработанный сторками план доставлялся мьюри едва ли не прежде, чем его получало само имперское командование. Это позволило им заранее узнать о нападении сторков на Танна-Моо и принять все возможные меры по ее защите.

Эскадра вторжения включала в себя новейшие модели линейных кораблей и крейсеров, оснащенных последним достижением технологий Сторкада: лазерными пушками. Эти новые суда были неповоротливыми и медленными, но недостаток маневренности с лихвой восполнялся разрушительной мощностью лазерных батарей. Боевое построение тоже было новым для флота сторков – ступенчатая линия, разработанная для усиления эффекта лазерного огня по фронту противника. Это был день Сторкада; день, ради которого они жили.

И вот «Всеужасающий» дал первый залп. Турели крейсера вздрогнули, дотянулись своими невидимыми в пустоте лучами до ближайшего корабля мьюри и превратили его в ослепительное солнце, которое тут же угасло, рассеявшись пылью.

Битва началась.

Фаланга фрегатов мьюри тут же распалась на мелкие звенья, каждое по пять кораблей. С пугающим ускорением они врезались в строй нападавших. Крейсера сторков, оснащенные старыми плазменными орудиями, отлично подходившими для ближнего боя, вышли на перехват, но атакующие фрегаты мьюри накатывались волна за волной и набрасывались на них, будто разъяренные звери, отступая и перестраиваясь, сполна используя свое превосходство в маневренности. Сторки упрямо проламывались вперед – плотной фалангой.

А затем случилось это. Тысячетонные, летевшие со скоростью семьсот километров в секунду снаряды проломили защитные экраны... и флагман сторков вспух огромной огненной горой. Еще один залп ударил долю секунды спустя, и уничтожил целое звено фрегатов, превратив их в рой ослепительных вспышек, тут же мгновенно угасших в пустоте.

Сторки не ожидали такого. Их жесткая командная структура запрещала разговоры в эфире во время боя, и капитаны кораблей не могли понять, что происходит. Нехватка согласованности и гибкости в тактике привела к тому, что они не справились с внезапным появлением этого нового врага.

Это был супердредноут Йэнно Мьюри.

Нападения фрегатов вызывали все больше и больше беспорядка. В конце концов общая координация окончательно рухнула. Но военная доктрина сторков строилась на жертвенности, их флот просто не мог отступить. Капитаны и их

команды отважно отдавали свои жизни Империи, уверенные, что иначе нельзя. Те, кто отступит с поля боя, будут обвинены в трусости, их семьи будут проданы в рабство, а Дома распущены.

В течение многих часов взрывы гибнущих кораблей освещали систему, юркие фрегаты мьюри раз за разом врывались во флот сторков, крейсера с дальних дистанций поддерживали их лазерным огнем, и вспухали разрыв за разрывом залпы супердредноута, стрелявшего с чудовищной по привычным меркам дистанции. Четко удерживая свою линию обороны, мьюри не оставляли сторкам никакой надежды приблизиться к нему на расстояние эффективного огня.

Впервые со времен Первой Галактической Войны сторки оказались в таком положении. И что им оставалось делать, кроме как нажимать на гашетки и умирать?

Много часов спустя система Танна-Моо переполнилась обломками кораблей, дрейфующих в космической пустоте. Мьюри выиграли первое сражение этой войны: почти вся эскадра сторков была уничтожена, в то время как они сами потеряли только треть состава.

Империя Сторкад знала, что ответ должен быть быстр и сокрушителен. Руководство флота было публично обвинено в трусости при штурме Танна-Моо – несмотря на чудовищные потери эскадры. В результате даже капитаны, отдавшие Империи свои жизни без малейшей мысли об отступлении, были посмертно уволены из флота, их репутации были раз-

рушены, а семьи опозорены.

Был отдан приказ собрать весь Большой флот для подготовки к общему нападению на мьюри. Но те тоже не сидели сложа руки – и когда сторки оценили вставшие против них армады, то поняли, что разбудили силу, с которой уже никто не сможет справиться.

И эта сила теперь хотела большего. Она хотела получить все.

1. Император Всея Руси

В полночь на Святой Софии вразмах и наперебой, но в то же время слитно-слаженно ударили, запели звонкой медью древние колокола – и Император проснулся.

Последнюю неделю он спал по три-четыре часа в сутки, и это уже начало доставлять некоторое неудобство, особенно с трех до пяти утра. Но сегодня, скорей всего, последняя ночь. Можно и потерпеть.

Не вставая из-за рабочего стола, он сильно потянулся всем телом. Запрокинул голову. Кабинет мерцал – голографическая карта так и не была выключена, и звезды неспешно совершали вечный полет прямо вдоль золотых с белым стен, над тяжелой мебелью черного дерева. Забавляясь как мальчишка, Император протянул руку – и система Полызмея послушно прыгнула на ладонь, увеличилась, обросла шариками планет, россыпями астероидов. Вспомнился дурацкий памятник, который хотели ставить на Амбрии – Император стоит, держа в руке модель Галактики. Вассальные власти переборщили. Памятник был как будто со школьного конкурса, причем из аутсайдеров. Император не любил памятников самому себе, потому что твердо знал, что не совершил ничего такого, за что заслужил бы памятник. Он – просто слуга своего народа. Он – не его дед Василий VI, выведший русских к звездам и погибший среди этих звезд, когда не стало

возможности победить. Не отец Александр IV, работавший в Большом Круге как проклятый, герой победного сражения той войны. Он – просто Император. Интересно, понял ли это растерянный и смущенный посол амбриан? Едва ли, ведь его народ искренне хотел угодить властелину. До чего это сложно! Признаться, психология многих рас была для Императора загадкой, еще в лицее ему не нравилась эта наука. Но он обязан был понимать всех своих подданных.

Памятник памятником, однако это его развлекало. Он коснулся пальцем Сумерлы. Планета приблизилась, отеснив остальную систему. На миг Императору стало смешно. На Земле, в столице Русской Империи, сидел в кабинете дворцового комплекса немолодой уже даже по нынешним меркам стопятидесятилетнего среднего срока жизни человек и играл со звездной картой. В тысячный раз.

Право, смешно.

Память подсказала меню; Император шевельнул пальцами и увидел лицо генерал-губернатора планеты. Самого молодого в Империи. История прошлого года – вся, как есть, круговерть с торговой компанией, с агентурой фоморов – помнилась хорошо¹.

Фоморы.

Император нахмурился и движением руки убрал карту.

Теперь не до фоморов. Такие опасные вчера, сегодня они

¹ См. Верещагин Олег. Чужая земля. СПб.: Лениздат, 2009; Верещагин Олег. Новая родина. СПб.: Лениздат, 2010.

казались почти что мелким недоразумением. Как же быстро Галактика подгоняет человечество... У людей хватит сил для этой гонки. Но хватит ли сил, а главное – разума и знаний – у их вождей?

Он встал из-за стола и усилием воли стер не прошедшую после короткого сна усталость. Колокола на Софии продолжали отбивать древний ритм. Императору нравилась колокольная музыка...

Его личный спикер-компьютер Нестор поинтересовался:

– Ваше Величество не будет больше работать здесь?

– Нет, пока не буду. Я прогуляюсь.

– Системы оповещены, Ваше Величество.

– Да, спасибо, – кивнул машинально Император. Нестор был везде и нигде. Собственно, им был весь дворцовый комплекс.

Сразу за порогом бесшумно открывшейся двери начинался Зеленый коридор. Он был на самом деле зеленым – летний сад, соединявший кабинет Императора и его личные комнаты с официальными помещениями. По размерам коридор намного превосходил обычный. Где-то в зелени журчали искусственные фонтаны, рождая неожиданную и очень красивую музыку. Этой музыкой и лунным светом, проникшим через невидимые крышу и стены, был наполнен воздух.

Император бесшумно шел по серо-желтой – похожей на песчаную, но на деле из каменных плиток – дорожке, временами отводя склонившиеся ветки. (Садовник работал так,

чтобы его работа была заметна как можно меньше и не нарушала впечатления дикого уголка.) Высокий человек в гвардейской форме в Зеленом коридоре казался то ли ночной тенью, то ли лесным видением из сказки.

В стороне от дорожки, на каменных постаментах – кругах из черного гранита – стояли через каждые десять шагов телохранители лейб-гвардейцы. Двухметровые великаны в дворцовой форме – черных с золотом плащах на левом плече, белых с черно-золотой вышивкой рубахах, белых шароварах и черных сапогах, с мечами на широких поясах из золотых пластин – они были лишь данью традиции и символом величия Империи. Ничто не грозило и не могло грозить Императору не только здесь, но и, пожалуй, на всей Земле. Даже у англосаксов...

Внезапно Императору вспомнилось, как два месяца назад он виделся с Эдуардом XI. Император англосаксов был моложе. Но, как каждый раз при их встречах, властитель Русской Империи ощутил, что это, пожалуй, единственный человек в немалой части Галактики, с которым можно разговаривать без напряжения. Кроме, пожалуй, еще одного. Это было даже странно. Что-то вроде детских воспоминаний. Императору было тогда восемь лет? Да, восемь, и он приехал домой на каникулы. Отец ввел в их с братом детскую мальчишку в незнакомом наследнику узком оранжево-сине-серебряном мундирчике с широкими тяжелыми обшлагами и, сказав коротко: «Займи гостя», вышел. Наследник дружелюбно смот-

рел на молчавшего мальчика несколько секунд, думая, с чего начать разговор, и вдруг понял, что это не человек, а сторк. Их трудно отличить, очень, но можно, если всмотреться, по тому, как складываются черты лица. Сторк смотрел зелеными широко посаженными глазами, угрюмо и сердито. И явно не знал, что сказать и надо ли вообще что-то говорить. Гость оказался младшим сыном сторкадского Главы Совета Родов, фактического правителя Империи Сторкад. Тогда был один из редких, чуть ли не последний, визит сторков на Землю.

Через полчаса мальчишки, растянувшись на ковре, рассматривали альбом по истории Флота Империи. И сторк, мешая русские исковерканные слова и хриловато-придыхающие свои, доказывал, что в «ту войну» Сторкад сражался отважней всех, его просто предали трусливые союзники, а иначе Земля непременно потерпела бы поражение. Мальчишки немного подрались, потом помирились и досмотрели альбом. Наследник неожиданно огорчился, когда выяснилось, что нежданному гостю пора уходить, проводил его до главных ворот и даже помахал вслед. И долго размышлял потом, до чего это обидно, что с Даг Фартом не получится дружить.

Его нечаянный знакомец – кстати, владелец крупнейших в Сторкаде рабских латифундий – капитан флагманского линкора, погиб во время битвы при Танна-Моо, последнего, самого крупного и самого неудачного нападения сторков на Йэнно Мьюри. С тех пор эта война уже не казалась Импе-

ратору чужой. Как будто от рук врага погиб ну не то что друг, но хороший старый знакомый. Честное слово. Хотя голография в дайджесте новостей ничего общего не имела с тем мальчишкой. Даже глаза – по-прежнему большие и зеленые – изменились, в них не было ни сердитости, ни искреннего веселья. Только надменный холод освещенного снаружи изумруда.

Интересно, вспоминал ли Даг Фарт кен ло Фарт ап мид Фарт о русском мальчишке?

– Ваше Величество, – голос Нестора раздался как будто из воздуха, – прибыл полковник Белозерский. Он ждет в Знаменном зале.

Император кивнул и чуть ускорил шаг. Он ждал этого визита с того самого момента, когда отодвинул бумаги и задремал за рабочим столом. Чтобы не встречать Илью с совсем уж сонной физиономией...

...Чрезвычайный Посол, гвардии полковник Илья Аскольдович Белозерский прохаживался по отражавшему свет луны паркету в затемненном зале – и тень двигалась за ним. Знамена гвардейских полков мерно покачивались вдоль стен. В детстве Император побаивался этого зала именно из-за вот такого ритмичного и непонятного шевеления, постоянного и таинственного. Позже, когда он подрос, казалось, что в зале собираются тени гвардейцев, павших в войнах Империи, – преображенцы, семеновцы, измайловцы, макаровцы, дроздовцы, алексеевцы, все-все...

Сейчас Императору это уже не казалось.

Сейчас он был в этом уверен.

Белозерский обернулся с улыбкой – молча. Пожал без церемоний протянутую руку. Им, лицейским товарищам, не было нужды в субординации. Двое мужчин неторопливо зашагали по залу, как посетители музея, с уважением поглядывая на торжественно молчащие реликвии.

– Ну, как прошел визит, Илья?

Белозерский отмахнулся:

– Да нормально все прошло. Переговоры, приемы, то, се... Обычная кутерьма. Неинтересная, в общем. Меня подарками завалили, словно девицу. А все равно – вспоминаю амбриан. Странно, – Белозерский вдруг рассмеялся – негромко, но искренне, и Император удивленно посмотрел на него. – Знаешь, что меня больше всего тогда удивило? Кристаллы, – пояснил полковник. – Амбриане в знак дружбы послали самые первые свои кристаллы кварца... Ну, ты знаешь – памятные кристаллы, мнемозаписи... Они еще не умели делать их сами, не то что искусственные, даже обрабатывать природные не умели из-за их твердости. И искали в реках «хрустальные яблоки».

Лицо Императора сделалось изумленным:

– «Хрустальные яблоки?» – эхом откликнулся он и вдруг улыбнулся.

Белозерский кивнул:

– «Хрустальные яблоки». Ты помнишь?

Император задумчиво кивнул. Его глаза сделались мечтательными, улыбка не сходила с губ...

...Когда-то давно два мальчика – Славка и Илюшка – учились в Вишерском Императорском лицее. И дружили. Дружили так крепко, что все им искренне завидовали.

В тамошних речках нет-нет да и попадались «хрустальные яблоки» – окатанные водой и песком до идеального шара разноцветные куски горного хрусталя. Заиметь такое «яблоко» было мечтой любого лицейского мальчишки. Но они встречались редко и попадались чаще всего на перекатах, где вода легко могла унести даже опытного пловца.

И вот однажды утром Илюшка вошел в комнату к Славке. Он был в одних трусах, с пристегнутым к ноге ножом, мокрый – и с правого плеча, глубоко распоротого, из рваной раны, текла кровь. Но глаза Илюшки сияли как две звезды. И также в свете лампы – синим и золотым – сверкали на протянутых к другу мокрых ладонях два тяжелых шара величиной с мужской кулак. Славка, севший в кровати, изумленно смотрел на друга. А тот сказал: «Вот, выбирай!»

Илюшка нырял за «хрустальными яблоками» в Ермаков котел. Куда не мог нырнуть никто. И на дне ему под обе руки попались сразу два кристалла. Но об этом Славка узнал потом. А тогда он соскочил с кровати, подбежал к другу и, не глядя на яблоки, тревожно спросил: «Ты же ранен! Больно?! погоди, я сейчас, я быстро помогу!»

А Илюшка замотал головой. Он был счастлив. И вовсе не

потому, что удалось сделать дорогой подарок Вячеславу Романову, Его Высочеству, Цесаревичу. Он знал, как будет рад его друг Славка, лучший в мире друг...

...Потом, сидя на кровати, они разыграли «яблоки». Чтобы не было обидно. И Славке досталось синее – синее, как его глаза. А Илюшке – золотистое, как веселые искры в его карих...

Им было тогда по двенадцать лет. А через два года Славка подарил то «яблоко» на балу одной девчонке. И признался в этом Илюшке, мучаясь от стыда, не смея поднять глаз и тяжело глотая слюну отвращения к самому себе. И добавил: «Я сказал... что я сам... нырял...»

Илюшка пошатнулся. Посмотрел неверяще. И молча пошел прочь, разодрав высокий ворот парадного мундира – так, что со стуком полетели по полу орленые золотые пуговицы...

...Они не разговаривали полгода. Пока девчонка, которую тогда еще не титуловали Ее Величество, не свела их вместе буквально за руки и не рассказала Илюшке, что Славка признался в обмане на следующий же день. И что «яблоко» все равно останется и его тоже, потому что они уже решили...

– Хватит ходить кругами, Илья, – сказал Император. – Выкладывай, как у нас дела.

Белозерский повернулся к нему. Лицо у него было холодное, как полная луна.

– Плохо, Вячеслав. Очень плохо. Нет, нет, – торопливо

пояснил он, заметив, что Император встревожился. – Сейчас нам совершенно ничего не угрожает. Но потенциально... потенциально это катастрофа.

Император кивнул. Он понял это уже тогда, когда чрезвычайный посланник сторков потребовал личной встречи с Его Величеством, категорически отказавшись назвать суть дела. Это было против всех правил, но Император согласился его принять, он уже чувствовал, что причина была очень серьезной. Нет, не «очень серьезной». Из ряда вон выходящей.

И он не ошибся. До сих пор перед глазами стояло мертвое, словно замороженное, лицо сторка, его деревянный, неживой голос – Сторкад никогда и никого не просил о помощи, сама мысль об этом казалась невозможной. Сторкад до сих пор считал себя победителем в Первой Галактической – вопреки истине, вопреки рассудку; там учили детей, что лишь трусость и некомпетентность «предателей-союзников» не позволили одолеть землян. И вот... Император сразу понял, что новости будут скверными. Но все оказалось еще хуже, чем он мог представить.

...По глупости... а точнее – по надменности своих суровых владык Сторкад оказался втянут в войну с могущественной, технически развитой расой, доселе очень слабо известной землянам – ее владения располагались там, куда упрямо расширял свою зону влияния Сторкад, вдали от земных колоний и трасс земных звездолетов. Инопланетяне-мьюри еще в годы Первой Галактической нарочито-неактивно, но

все же интересовались делами воюющих сторон, продавая и тем и другим то одно, то другое, по мелочи, но ни с кем даже не пытаясь вступить в союз. Хладнокровное уничтожение флота вторжения сторков не впечатлило Императора – сторки напали первыми... но их противник не потрудился подобрать спасшихся с подбитых кораблей. Теперь все шло к большой войне, а у Сторкада уже просто не осталось сил, чтобы противостоять нападению. Само их обращение за помощью – конечно, вслух не говорилось ничего такого, речь шла лишь о помощи в расследовании инцидента, не больше, – выглядело не более чем изошренной провокацией, попыткой столкнуть лбами старых и новых врагов. Так ее и восприняли все... кроме Вячеслава Романова. Мотив Его Величества был сугубо личным, но он принял просьбу, изрядно, надо сказать, удивив этим посланника. Но лишь теперь он начал понимать, насколько ему повезло. Повезло всей Империи. Ведь если бы...

Император нахмурился. Да. Мьюри... Торговцы. Точнее – торгоши.

В первые годы Галактической Эры к Земле прибывали в немалых количествах посланцы самых разных цивилизаций. Порой очень странных и по внешности, и по взглядам на жизнь. Но, увы, почти всех в конечном счете интересовало, что тут плохо лежит и нельзя ли тут чем-то поживиться (землян буквально поразила мелочность большинства визитеров, дико не сочетавшаяся с их звездолетами). Убедив-

шись, что все лежит хорошо, кое-что на всякий случай привинчено шурупами, а на концессии с грабительскими условиями земляне не соглашаются (хотите разрабатывать луну N? Мы не против – но на равных и без какой-либо самостоятельной политики с вашей стороны, только деловые отношения!), незваные гости убирались так же быстро, как и появлялись. Мьюри тут в целом не составляли исключения.

Первоначально. Разве что они вызвали всплеск интереса тем же, чем сторки – внешним видом.

Но в самые черные, самые страшные годы Первой Галактической они появились вновь. С отличным, казалось бы, предложением: Земле нужны боевые корабли? Мы можем продать – лучше, чем есть у Чужих. Даже лучше ваших, мы их знаем (откуда они их знали, черт побери – не иначе как выменивали у тех же Чужих трофеи...). Сколько? За сколько заплатите, у нас их много. Да, конечно же, недешево, хотя сторков мы не любим, да и остальные – наши старые конкуренты. Чем платить? Нет, золото нам не подойдет, у нас самих, знаете, хватает лун. Что нам нужно? Да сущий пустяк. Дети – по пять тысяч за крейсер. За линкор – больше, за эсминец – соответственно, меньше. Зачем они нам нужны? Ну вы же все взрослые люди, вы же понимаете... Мы даем вам шанс спасти миллиарды, всю планету, всех ее детей, пожертвовав частью.

Самым поганым было то, что дети нашлись бы. Добровольцы, согласные даже на это, – лишь бы жил их мир и их

родители. Вот только воевать тогда было бы не за что. Сразу не за что. И все тут.

Все не могут быть больше, чем часть. Верней, людей просто не делят так. Или мы вместе единое целое – или нас просто нет, и зачем тогда линкоры и крейсера?..

...Гости, кажется, очень удивились, когда им предложили убираться из системы на максимально возможной скорости и выделили в конвой целую эскадру – «чтобы никуда не завернули по пути, мать их!» (именно так сказал тогдашний Председатель Большого Круга). И, видимо, так и не поняли – почему, искренне не поняли. С тех пор въезд мьюри в Империю был запрещен под страхом смерти, про них почти не писали в школьном курсе ксенологии, да и вообще, старались не упоминать без крайней на то нужды – слишком уж все это было мерзко. Так, наверное, в давние времена старались не упоминать имя дьявола, чтобы не призывать его.

Да, больше расы землян и мьюри не встречались – территория мьюри лежала далеко за враждебной обоим Империей Сторкад, потом – за «ничейными» системами... да и расстояние было слишком уж большим, чтобы пересечь его без промежуточных баз. Но теперь...

– ...Они хотя бы извинились? – спросил Император.

Белозерский покачал головой. Он понял, о чем идет речь, сразу понял.

– Нет. За что – с их точки зрения? Они и не помнят про ту историю. Все участники этого дела и так давным-давно

мертвы, их компания – обанкротилась и ликвидирована. Это их обычный трюк – если какую-то из их фирм уличают в бесчестности, она просто исчезает, и ее заменяет новая, их корпорации меняют «дочек» так же легко, как мы меняем носки... и вони от них куда больше. Зато если сами мьюри решают, что с ними играют нечестно, они возвращаются с войсками и заставляют обидчиков горько пожалеть. Даже фоморы для них – не враги, а просто помеха бизнесу. Не будь те такими иррациональными ксенофобами, мьюри бы торговали и с ними.

Император глубоко вздохнул.

– Жить только ради денег... нет, я просто не могу понять этого. Неужели там никому не знакомо понятие «честь»? Такого просто быть не может, иначе Йэнно Мьюри развалилась бы еще давным-давно.

– В том-то и беда, Вячеслав, что есть и такие – и даже довольно много. Есть даже те, кто призывает к возрождению их древней Империи. Просто они не представляют, что можно жить как-то по-другому.

Император вдруг усмехнулся.

– Ну вот как раз это мы вполне можем им показать!.. В ногах правды нет, – сказал он Белозерскому. – Пошли в кабинет. Доложишь по всей форме.

Сторкад:

Сторки произошли от полулегендарной этнической груп-

ны данвэ. Высокомерные и надменные, очень преданные своим традициям, они чтят культ предков. Сторки – рьяные ксенофобы и националисты. Даже Безродные сторки ощущают себя выше любого инопланетянина и всячески это показывают при малейшей возможности...

Общество:

Сторкад – самая большая Империя среди соседей Земли. Это ритуалистическое, авторитарное государство, фактически империя, но Император носит звание Главы Совета Родов, из числа которых он избирается. Он объединяет в своем лице законодательную и исполнительную власть, но она сильно ограничена бюрократической системой сторкадского правительства, через которую проходят все издаваемые им законы. Сторки – глубоко религиозные люди, всегда серьезно относящиеся ко злу и добру (в их понимании, конечно), религия очень много значит для них. После первого конфликта с мьюри они быстро оправились и начали расширять свою Империю за счет соседних государств. Нации, которые они побеждали, порабощались – практика, оправданная их религией, замешанной на мессианстве и чувстве собственного превосходства. Сейчас большая часть сторкадского общества состоит из рабов когда-то поработенных наций и рас. Это, конечно, испортило их отношения с другими расами, особенно со свободолюбивыми землянами...

Сторки были первой расой в Местной Зоне, которая открыла технологию гипердрайва. Еще более двух тысяч... лет

назад они начали полеты к ближайшим солнечным системам, медленно создавая свою Империю. На своем пути они встретили двенадцать инопланетных рас, которые были поработаны намного превосходящей их численно, мощной и хорошо организованной империей Сторкад. Однако еще в самом начале сторки получили и отпор. Им встретилась Федерация Йэнно Мьюри. Хотя она была тогда намного меньше Империи Сторкад, но превосходила сторков в экономическом и военном плане. Сторки же, строящие свои боевые действия на жестком и тщательном планировании, оказались не готовы к «быстрой войне»...

Намного позже сторкам встретились земляне, и все попытки Империи поработить их или хотя бы вытеснить из освоенных районов (Первая Галактическая война) закончились еще одним поражением – на этот раз поражением оскорбительным, так как сторки сражались в составе большого союза, а земляне явно уступали им по уровню развития. Положение сторков добавочно ухудшили столетиями притеснявшиеся скиутты, не упустившие возможность начать войну против своих старых врагов. Начиная с этих роковых событий два столетия назад сторки повсюду постоянно получают отпор. Это отрицательно сказалось на расширении их владений и отношениях с другими расами, но они все еще считают себя самой мощной расой в Местной Зоне, ссылаясь на большие размеры своей Империи, хотя сейчас она включает всего 40% планетных систем, вхо-

дивших в нее когда-то...

Мужчины: смелы, надменны, жестоки и непреклонны. Это придает им решительности и целеустремленности, но порой с ними сложно общаться...

Женщины: ведут себя официально в отношениях с другими. У сторков сильны семейные узы. По этой причине их женщины могут быть очень мстительны, если кто-то причиняет зло их близким, – их злопамятность может не угасать на протяжении многих поколений. В прежние времена именно женщины чаще всего были вдохновительницами многочисленных межродовых войн...

Выдержка из электронного издания «Расы Местной Зоны. Справочник для учебных заведений не-людей».

Издание 200 г. Галактической Эры.

Луна. Русская Империя. Звездный Порт.

С голоэкрана на Его Величество смотрело полдюжины парней и девушек в довольно легкомысленной, надо сказать, одежде – должно быть, фотография из какого-то журнала. Внешне мьюри почти ничем не отличались от землян – рослые, отлично сложенные, с широко расставленными синими глазами. Вьющиеся крупными кольцами черные волосы и золотистый цвет кожи издали придавали им вид давно вымерших на Земле ближневосточных племен, но черты лиц были совсем другими, не похожими ни на одну земную расу.

– Я же и забыл, какие они, давно не интересовался... –

Император с интересом рассматривал экран. – Очень похожая на нас раса, еще одна после сторков... Согласись, пожалуйста, тут поневоле станешь апологетом Кирьякова и Ванагаса с их теориями...² Тебе не кажется, что мьюри похожи на потомков Рейнджеров, хотя и сильно измененных?

– Я тоже читал про это, – усмехнулся Белозерский. – Мы еще не разобрались с фоморами, и, кстати, конца этой истории не видно. А тут новый сюрприз.

– Планета Йэнно Мьюри, – Император переключил изображение. – Восемь миллиардов населения на ней самой, столько же – в колониях. Технократическая цивилизация с тупиковым социальным строем... Но при этом – техника мощнейшая, мощней, чем у нас или фоморов.

– А значит – самая мощная в известной нам части Галактики, – дополнил Белозерский.

Император наклонил голову:

² Кирьяков Эдуард Федорович и Ванагас Марюс Сябринас – известные ксенологи Русской Империи. Еще в годы, предшествовавшие Первой Галактической Войне, они предположили и подкрепили множеством доказательств разной степени достоверности (мощнейшим доводом была находка известным космонавтом эпохи Промежутка Петром Владиславовичем Крапивинным первого города расы Рейнджеров на Плутоне), что Homo Sapiens Galaktis и Stork Sapiens Galaktis – ветви одной древней прарасы. В годы войны по понятным причинам эта теория подверглась не всегда научной обструкции, но во времена Галактической Эры вновь начала набирать силу, причем, что интересно, не только на Земле, но и на Сторкаде. Неизвестно, насколько достоверна теория, но фактом остается то, что города Рейнджеров найдены на многих планетах, сами Рейнджеры внешне были неотличимы от людей, а люди – единственная раса, имеющая «двойников»: на данный момент – сторков и йэннимурцев, а позже – джангри, данвэ и аниу.

– Семнадцать колоний с собственной разумной жизнью, тридцать две – с пригодными для нее биосферами, но без автохтонов... Больше шестисот лун. Восемь рас-союзников. Да... Впечатляет...

– Социальный тупик, – задумчиво повторил Белозерский. – По образцу Сторкада?

– Нет. Сторки не в тупике, они просто остановились. В феодализме. И развили его в космическую систему. А тут все гораздо хуже. Это не остановка, это извращение развития... Они живут, чтобы потреблять. И открывают, чтобы потреблять. И в нас будут видеть конкурентов не во власти, не в науке, не в культуре, а именно в потреблении... Странно, – в голосе Императора послышалось искреннее недоумение. – Мы думали, что навсегда покончили со всем этим. Ладно. Что тебе удалось выяснить?

Белозерский вздохнул.

– Их экономика на порядок мощней нашей – я имею в виду всю Землю. Очень высокий жизненный уровень – конечно, не для всех... Высокоразвитая наука – их экономикой заправляют восемь крупнейших корпораций, и каждая лезет из кожи вон, чтобы обогнать конкурентов. Флот... До трехсот линейных кораблей, до пяти тысяч крейсеров, около пятидесяти тысяч фрегатов и другой мелочи. Впрочем, это все неважно... Мыюри начали строительство супердредноутов, сторки их называют – Имид Хубрау, или «Чудовище Небес», есть в их мифологии такой персонаж. Длина каждого из этих

монстров достигает восьми километров, они являются самыми большими из когда-либо построенных кораблей, нам на такие не хватит ни техники, ни ресурсов... ни знаний, Вячеслав. Сейчас в их флот входят всего три, но их заложено двадцать, а мьюри – отличные кораблестроители. Пожалуй, лучшие, чем англосаксы... Их опасность невозможно переоценить. Одним своим появлением супердредноуты ломают весь баланс сил. Кроме огромного количества оружия и многометровой брони они имеют еще один козырь – гравитационное защитное поле. Генераторы супердредноута настолько сильно искажают вокруг него пространство, что никакие материальные снаряды не могут его поразить. Конечно, такая защита не спасает от лазеров и излучения близких ядерных взрывов, но от них супердредноут и так отлично защищен броней.

– Понятно, – ответил Император. – Каковы же тогда наши шансы, если..?

Белозерский прямо посмотрел на него.

– Никаких. Если дело дойдет до войны – по расчетам аналитиков, мы выйдем у них тридцать процентов флота, а они нас просто уничтожат. Их главный козырь – это лазерное оружие. Оно с легкостью режет броню, а силовые поля просто не замечает. Если мы сможем добыть у них или у сторков эту технологию, то сможем хотя бы побороться за свое будущее – и с неплохими шансами на победу...

– Я поручу ООСЕИВК³ заняться этим, – тихо сказал Император. – Но тут придется действовать крайне осторожно – провал сразу приведет к войне, а ее мы пока должны избегать любой ценой. На перевооружение флота нужны годы. А некоторые типы кораблей просто невозможно перевооружить. Ну так как все же прошли переговоры? Они предъявили нам какие-то претензии? Хотя бы что-то формальное?

Белозерский сухо засмеялся.

– Нет, Вячеслав, что ты! Они были само дружелюбие. Дипломатические отношения, торговый обмен, тары-бары... Это тебе не фоморы, которые тупо убивают всех, кто непохож на них, и надеются, что когда-нибудь в светлом будущем смогут убить всех. Эти – нет. Они говорили интересные вещи... Да, конечно, у нас ужасно отсталый общественный строй, они рады бы помочь нам в становлении демократии и все такое... тебе это ничего не напоминает?

– Америку до Серых Войн. – Лицо Императора стало безразличным. – Воистину, история любит повторяться...

– Я думаю, теперь ты понял, зачем они нацелились на сторков, – сказал Белозерский. – Рабовладельческий строй для них – как красная тряпка для быка. Конечно, и для нас тоже – но если сторков сомнут, мы просто станем следующими. А если они сомнут Землю – это будет уже неостанови-

³ Особый Отдел Собственной Его Императорского Величества Канцелярии – спецслужба, подчиненная лично Императору. Другое название – неофициальное – Черная Сотня.

мо, ты понимаешь меня? Остальных они задавят поодиночке или запугают до одури. Или просто купят. А потом... сожрут.

– Сожрут? – как эхо переспросил Император.

– Ты не видел их заводов, – ответил Белозерский. – Один мьюри потребляет на два порядка больше ресурсов, чем такой же средний землянин, – но боги, на что они тратятся! Флаеры, отделанные палладием и никому не нужным золотом. Космические яхты, обшитые чистым серебром! Ты знаешь, что происходит, когда мьюри удается открыть или захватить луну, богатую ресурсами? Используя многотысячный флот кораблей... англосаксы видели их в деле и окрестили харвестерами... так вот, они за несколько десятилетий полностью истощают ее и уходят, оставляя за собой тектонический ад, бушующий на поверхности. И они не остановятся, пока черт знает на сколько световых лет вокруг не останется ничего. А потом, когда все это наконец развалится, уже никто и никогда не будет летать между звезд. Разве что фоморы, если они окажутся достаточно умны и терпеливы. В чем я сомневаюсь. И что останется тогда? Пустыня?

– Не пугай, и без того тошно, – угрюмо сказал Император. Ситуация до странного напоминала сложившуюся перед самими Серыми Войнами – и это совсем ему не нравилось. – Я же вижу, что у тебя уже готов план действий.

Белозерский помолчал, барабанил пальцами по столешнице.

– План... Да, Вячеслав, у меня есть план. Остановить мьюри силой мы не сможем – не стоит даже и пробовать. Но я видел, как живут они, и знаю, как живем мы. И я думаю, мы сумеем доказать им, что жизнь людей лучше жизни стаи обезумевших от жадности крыс. Даже если крысы живут на забитом продуктами складе.

Император помолчал.

– Неужели ты веришь, что у нас получится? – наконец сказал он. – Это невозможно!

Белозерский вдруг усмехнулся.

– Вячеслав, помнишь лицейский лозунг? «Если делать – то невозможное!» До Третьей мировой тоже твердили, что капитализм – это высшее достижение человечества, что он на века и что человек навсегда останется алчным скотом. Они все ошибались, как ты видишь. Ты живешь в этой невозможности – зачем же отрицать другую?

– И что же ты предлагаешь? – спросил Император. – Устроить там социальную революцию, как красноармеец Гусев на Марсе? Помнишь эту книжку? Смешная, интересная... Но ведь ты не хуже меня знаешь, куда идут и куда зачастую ведут все навязанные высокоразвитым цивилизациям извне рецепты. Заставить мьюри измениться мы не сможем. У них не тот уровень техники.

– Не сможем, – легко согласился Белозерский. – Измениться мьюри могут только сами. Но вот заставить их захотеть этого – вполне в наших силах.

– Как? – Император уже ухватил суть и теперь желал понять детали. – Да, образ жизни землян прельщает очень многих – взять тех же амбриан! – но кто нам позволит продемонстрировать его?

– Уже позволили, – засмеялся Белозерский. – Нас, в смысле Землю, пригласили на Большую Ярмарку. Ты знаешь, что это такое?

– Что-то вроде Олимпийских Игр в Древней Греции, – пробормотал Император. – Ты же знаешь, что Земля никогда не участвовала в них – сразу после Войны познакомились с условиями и решили не принимать участия.

– А вот они собираются принять, как я понял. В будущем году Ярмарка пройдет на Йэнно Мьюри. Приглашены все, даже сторки. И каждый – каждый, Вячеслав! – постарается доказать там, что он – самый лучший. Не особенно стесняясь в средствах. Ты знаешь, что на Ярмарках разрешены гладиаторские бои? Рукопашные схватки? Формально – это просто развлечение, неформально... проигравшая раса теряет престиж, влияние, на нее могут просто напасть соседи, потому что слабых не принято уважать. У нас есть очень хороший шанс показать йэннимурцам и их союзникам, что с нами стоит считаться. Я уже не говорю о том, что Ярмарка – это просто рай для сбора информации, для переговоров, для торговли...

– Ну так в чем же дело? – удивился Император. – Собирай делегацию, подбери бойцов, если надо, – и вперед, как мы

говорили в свое время!

Белозерский помолчал.

– Вячеслав, не все так просто. Делегацию – ученых, плановиков, экономистов, техников – я могу подобрать какую угодно, но вот в боях – в показательных рукопашных боях – могут участвовать только военные.

– А что, могло быть иначе? – Император не понимал, о чем беспокоится старый друг. – Прошерсти пластунов, вообще все силовые службы, англосаксы дадут своих рейдеров, вот и наберется группа, которую не стыдно будет показать. Ты же сам знаешь, что рукопашная подготовка у нас на Земле – на высоте, это признают все.

– Вячеслав... – Белозерский помедлил, вздохнул. – Мьюри выставят очень юных бойцов. Подростков. «Наше будущее», как они выразились. И нам придется взять с собой таких же – тридцать человек не старше четырнадцати лет.

Впервые за много лет Император Всероссийский выругался – длинно и грубо.

2. Кадет Его Величества

Лестница из черного диабазы, украшенная на площадках между пролетами фигурами распростерших крылья орлов (разинутые клювы грозных голов на вытянутых и угрожающе опущенных шеях, казалось, издают воинственный клекот), спускалась прямо в озерную воду. В прохладном утреннем безветрии над водой плавал длинными рваными полосами голубоватый туман, и звуки идущего на пастбище за озером и полосой леса стада казались близкими, словно коровы шли под балконом. Левее – там, где из озера вытекала прячущаяся в тростниках и уходившая в лесные топи речушка, – туман превращался в сплошную пелену, и над нею, и над верхушками деревьев, поднимались словно бы из ниоткуда решетчатые мачты линии струнника. По ним – жик! – размытой тенью проскочил каплеобразный рейсовый вагончик.

Слева от последних ступенек лестницы – как у причала – стояло несколько лодок, обычных весельных плоскодонок, даже без уключин – такими правят, стоя в рост и «ерша» по бортам единственным веслом, иначе не пройти по многочисленным лесным протокам. Лодки казались архаичными рядом с черным обтекаемым гидроциклом и золотисто-серо-жемчужной дельта-амфибией. В одной из лодок, на белом носу которой алыми буквами было написано «ПРОЙДОХА», сидел мальчик.

Поставив на носовую скамейку ноги, он склонился над книгой – обычной бумажной книгой – так, что видно было только коротко подстриженную светло-русую пушистую макушку, на которой задумчиво колыхалась мягкая метелка вставших торчком волос. Кроме белых спортивных трусов с красными полосками-лампасами на мальчишке была только небрежно накинутая на плечи куртка той же расцветки – из тонкой кожи. Новенький комбрас торчал из кармана куртки. К правому бедру мальчишки – точно под опущенную руку – был пристегнут полевой нож с простой коричневой рукоятью, в дереве которой серебром мерцали врезанные тройные молнии.

В тишине с ее ненавязчивыми утренними звуками вдруг осатанело грохнул по воде жерех. Мальчишка быстро закрыл книгу, поднял голову и встал – все это за долю секунды: вот – сидел и читал, вот – стоит на ногах и смотрит на воду, никаких промежуточных движений.

Звук не повторился, и мальчик, вздохнув, улыбнулся чему-то. Высокий, узкобедрый, плечистый (только неистребимо выпирающие ключицы указывали, что лет мальчишке маловато), оснащенный (именно это слово и лезло на язык при первом взгляде) длинными сильными ногами и стройной крепкой шеей, мальчишка выглядел совершенно беспечным. Большие серо-зеленые глаза смотрели на мир из-под высоко распахнутых длинных ресниц весело и немного наивно, с хорошим ожиданием – и даже на искристом их донце

не было ни опаски, ни хмурости. Чутьочку курносый нос, чутьочку широкий рот, чутьочку пухлые губы – и уже заметная на округлом, мягком пока еще подбородке ямочка.

– Ох достану я тебя, – сказал мальчишка в пространство и, снова вздохнув, медленно сел, продолжая разглядывать воду. Свернул и сложил на скамейку куртку, поднял книгу, раскрыл, обложкой вверх положил на колено. На обложке – простой, темно-коричневой – желтело: «Алексей Николаев. Аварийный отсек». Мальчик побарабанил пальцами по обложке, с сомнением посмотрел на надпись, вздохнул, перевернул, полистал книгу. Но, как видно, настроение читать было сбито полностью, он решительно закрыл ее, положил на куртку, вылез из трусов и, бесшумно перевалившись за борт, тут же ушел на глубину.

Его не было на поверхности минуты три. Собственно, беспокоиться особо было некому, засекаеть время – тоже, да ныряльщика это интересовало меньше всего. Ныряние в число его талантов никогда не входило, он мог пробыть под водой не больше пяти минут при лицейском рекорде в двенадцать сорок две. Если бы кто-то спросил тринадцатилетнего Игоря Сурядова, что в жизни его интересует, – он ответил бы, что вообще-то все, но если брать по шкале приоритетов со снижением, то это рукопашный бой, сверхпроводимость материалов, ксенопсихология, педагогика, аквастрой и вождение универсальной бронетехники.

Впрочем, отсутствие особых успехов в нырянии не поме-

шало ему всплыть посередине озера через эти самые три минуты. Он выпустил из кулака ошалелую плотвичку, перевернулся на спину и, пошевеливая ногами, лениво поплыл к берегу, но потом не выдержал, крутнулся на грудь и перешел на брасс, каким в полном снаряжении подбираются к врагам боевые пловцы. Лицо плывущего мальчишки стало внимательным и суровым – конечно, он играл в атаку на вражеский берег и сейчас стремился только к тому, чтобы его не заметили часовые или не засекали сенсоры. Со стороны и правда могло показаться, что к ступеням приближается что-то вроде плавучей кочки. Но кочки редко – почти никогда – улыбаются. А Игорь вдруг заулыбался, глядя куда-то вверх.

Там, где лестница выходила – двумя ответвлениями – на полукруглый балкон, на укрепленном на перилах белом с алой окантовкой французском щите пикировал за добычей все тот же орел. Дворянский герб Сурядовых в Империи был хорошо известен. А выше лестница продолжалась – уже легкая, ажурная, из серебристого металла, с широкими ступенями и плавно изгибающимися перилами, она легко взбежала наискось и вверх по стене, словно бы сложенной из непрозрачных кубиков матового-черного и темно-синего оргалитового стекла.

Сурядовы не были сторонниками того большинства среди дворянства, которое предпочитало отстраивать дома либо в стиле европейских замков, либо под глубокую славянскую старину, вплоть до частоколов с черепами. Их имение,

отстроенное заново после большой реконструкции еще век назад именно в таком виде, в виде устремленного в небо жилого комплекса «звездолетных», «космических» очертаний, как бы подчеркивало, что вот уже несколько веков, практически со времен начала Реконкисты, все мужчины семьи связывают судьбу со звездами. Даже лифтовые шахты по углам здания были сделаны в виде массивных безекторных колонн примитивного, грозного и прекрасного звездолета начала Галактической Эры. Игорь рассматривал дом с обычным восхищенным удовольствием. Его было видно издали. Возвращаясь на каникулы, он не пользовался самолетами и даже нарочно сходил со струнника на одну станцию раньше – там можно было спуститься к озеру по тропинке косогором и вдоволь налюбоваться поместьем... Когда он видел дом – он каждый раз пытался представить себе *их*. Предков. Яростных, грубых, непреклонных, отважных, скорых на дружбу и гнев, но великодушных... В такие минуты ему казалось, что он – очень маленький – робко и восторженно смотрит снизу вверх на замершие в полутьме фигуры титанов. И вместо глаз у них сияют звезды, и лежат на широких плечах эполеты облаков... Никому он не рассказывал об этих мыслях. Не потому, что боялся насмешек. Просто... кто же говорит о ТАКОМ?..

Мама, что это за горы —
Там, на горизонте?

Я хочу туда домчаться,
Посмотреть с кручи...
Тихо я пойду – чтоб не спугнуть
Сон тех,
Кто при жизни был сильнее скал,
Круче...

И тут со ступеней стремительно метнулась и вошла в воду без единого всплеска золотисто-бело-алая торпеда. Игорь подпрыгнул и закрутился в воде, не без оснований предполагая... ага! Он нырнул и перевернулся под водой, ускользнув от вытянутых рук стремительно надвигающейся стилем «дельфин» полупризрачной тени. Сам попытался ухватить, но промазал – и на несколько минут в воде закрутилась бешеная круговерть – пловцы пытались подловить друг друга. Наконец рядом с вынырнувшим в очередной раз Игорем выскочила на поверхность голова, а потом плечи, обтянутые купальником. Это была женщина – сдувая с носа капли, она смеялась.

– Молодец!

– Доброе утро, мам, – сказал Игорь. Мать и сын поплыли к ступеням. Игорь хотел было галантно помочь матери выбраться из воды, но она сделала одно-единственное движение и оказалась на суше, а в следующий миг сильным рывком за руки выдернула из воды несолидно ойкнувшего и брыкнувшего ногами сына, деликатно отвернулась, сделав вид, будто что-то рассматривает в тумане – когда мальчишка вро-

де бы равнодушно, но очень быстро цапнул трусы (скрыла усмешку – наверное, на занятиях по анатомии и по эротике он не такой стеснительный).

Потом они уселись рядышком – молча, чтобы просто обсохнуть под лучами только-только появившегося солнца. Игорь косился на мать, почти против воли любуясь ею. Он гордился матерью и любил ее, как только можно любить и гордиться в тринадцать лет.

Велина Целимировна была типичной русской дворянкой – рослая, сероглазая красавица, золотисто-русые волосы которой были собраны в тугую «корону», ее фигура – широкобедрая, с тонкой талией и высокой крепкой грудью – ничуть не пострадала после трех родов. Величаво-медлительная, она могла становиться стремительной, как молния, в чем только что убедился средний сын. В юности очень неплохой ученый-химик и биолог, она и сейчас иногда публиковала небольшие работы, но в основном отдавала время управлению поместьем. Говорили – сама Велина Целимировна об этом не распространялась, – что девочкой она служила в Круге Мораны⁴, и Игорь этим не раз козырял в

⁴ В Русской Империи – система боевой добровольческой подготовки девочек-дворянок 9 – 15 лет. Включает не только обучение, но и «практику» в условиях колониальных войн и региональных конфликтов. В Англо-Саксонской Империи аналогом является «Двор Валькирий». Обе организации, созданные еще во времена Безвременья, имеют и взрослых членов и играют немалую роль в регулировании общественной морали – в том числе и весьма суровыми методами. Это не очень актуально для Галактической Эры, но в более беспокойные прошлые времена женщины из Круга Мораны и их англосаксонские сестры – по

мальчишеских разговорах: «У меня не только отец – у меня и *мать!*...» По правде сказать, он не помнил, чтобы мать в его детстве выразила по отношению к нему чувств больше, чем считала приличным. Даже когда он был маленьким и возвращался из Лицея, то получал всего лишь короткое объятие и поцелуй. Но он уже тогда умел читать чувства и выражение глаз – и не обижался. А последние год-полтора отношение матери изменилось, потеплело, и не только потому, что погиб отец – Игорь ощутил, что она видит в нем – как и в старшем брате – не столько уже детей, которых можно «разбаловать», сколько друзей и единомышленников. Но Роман уже давно не жил дома и даже наезжал редко – когда его эсминец оказывался на Луне, а это было нечасто. Даже отпуск последний не взял, и это было понятно – старший Сурядов был настроен стать капитаном корабля в кратчайшие сроки... Как отец. Отец, погибший в пограничной стычке с фоморами четыре года назад.

Игоря иногда забавляло и удивляло, что у недворян отношения в семьях были несколько иными. Семьи очень прочно держались на любви родителей друг к другу и к детям и любви детей к родителям, да и дети, как правило, искали и находили работу или службу поближе к родителям, отчего

некоторым серьезным подозрениям, недоказуемым, впрочем, – не останавливались перед безжалостной и эффективной ликвидацией растлителей, извращенцев, похитителей детей и вообще всех, кто так или иначе покушался на безопасность детства и достоинство женщин. Кто именно из женщин состоит в этих организациях – не знают зачастую даже Императоры.

не редкостью были целые населенные пункты-«семьи». Дворянские роды скрепляла ясно и деловито осознанная и пронизывавшая всю их жизнь служба общности интересов Империи – в каком бы краю освоенной Галактики ни находился сын или дочь любой из семей...

– Мам, – спросил Игорь неожиданно для самого себя, – ты любила отца?

– Я его любила. – Казалось, Велина Целимировна ждала этого вопроса. – Вернее – полюбила. Семьям нужно было упрочить союз. Мы встретились – и все. Так было нужно. Но потом... – Она улыбнулась.

– А я похож на него? – Игорь подтянулся.

Мать мягко улыбнулась:

– Вы все трое похожи на него и на меня. Даже Надюша.

– Ну вот, ответила, – надулся Игорь и встал. – Я пойду, я голодный. Тетя Аня спит еще?

– Спит... Игорек, принеси мне тоже чего-нибудь поесть.

– Ма... – сделавший уже несколько шагов по лестнице Игорь оглянулся. Медленно шагнул обратно на пару ступенек, спросил: – Ма, ты где ночью-то была? Ты ж не спала, я вижу теперь.

– Ну не спала, – слегка смущенно отозвалась Велина Целимировна. – Попросили помочь на ферме с синтезатором. – Она кивнула за озеро.

Игорь сделал суровое лицо, женщина – покаянное.

– Я принесу поесть, – наконец кивнул мальчишка.

– И попить! – крикнула ему вслед мать. – И еще комбрас принеси, он на входе! И еще... – Она махнула рукой, потому что Игорь был уже на самом верху лестницы (последним пролетом пользоваться он считал ниже своего достоинства и, с разбегу подпрыгнув, ухватился за перила балкона, подтянулся и оказался там). – Ну ладно...

...В большой, казавшейся совершенно прозрачной из-за сплошного остекления (и притом матово-черного снаружи) кухне было на самом деле пусто. При появлении молодого хозяина из «норок» показались два робота-уборщика; если бы они обладали хоть каплей индивидуальности – можно было бы сказать, что на блестящих туповатых носах отражалось нетерпеливое ожидание.

– Брысь! – Игорь топнул ногой, и роботы исчезли. Мальчишка довольно усмехнулся. Еще три года назад он втихую перепрограммировал уборщиков именно на это слово и движение – кстати, никто в доме больше об этом не знал, и все частенько удивлялись, почему это довольно назойливая и очень хлопотливая, готовая утащить на секунду отставленный в сторону стакан буквально из-под пальцев домашняя техника боится Игоря как огня? Сестричка Надька, уже тогда, в семилетнем возрасте, отличавшаяся повышенным эхидством, заметила, что это, наверное, потому, что роботов страшит мысль об уборке в том свинарнике, который называется «комнатой Игоря». После этого замечания, высказанного за обедом и слишком громко, Надька впервые в жизни

близко познакомилась с тем, что такое настоящий свиначник, отработав там по приказу Велины Целимировны целую неделю по четыре часа в день – и это в каникулы...

Сунув два стакана под автомат и скомандовав: «29-19, лимонный сок, пожалуйста!», Игорь открыл духовку и довольно улыбнулся. Тетя Аня, конечно, спала. Но она не была бы сама собой, если бы не оставила с вечера на ма-а-аленьком подогреве великолепный ростбиф в коричневой корочке, уже нарезанный солидными кусками, нежно-розовыми внутри.

– Вы золото, тетя Ань, – пробормотал Игорь, улыбаясь. Вспомнил, как года в четыре, когда тетя Аня в очередной раз отмыла их с Пашкой – своим младшим – после того, как они почти пять суток «шлындрали» по лесу и лугам, носа не показывая домой и питаясь подножным кормом, – а потом усадила за стол и положила по куску горячего, просто-таки «дышащего» пирога с земляникой, а в глиняные кружки-самоделки (гончарное дело было для ее мужа, инженера-гидротехника, работавшего на ферме за озером, отдыхом) налила холодного молока – так вот, тогда он, Игорь, восторженно булькая молоком, прямо заявил: «Хочу, чтоб ты была моей мамой!» Пашка ответил, что тетя Аня *его* мама и он ее никому не отдаст. А тетя Аня неожиданно строго сказала, что мама у Игоря одна и лучшей ему и не надо желать, и говорить так нельзя, и даже думать.

Мама любила готовить шарлотку с яблоками. Очень вкус-

ную. Но делала ее редко-редко... так редко, что каждый подобный случай был маленьким праздником.

– Игорек, сок готов, – дружелюбный баритон спикера, казалось, принадлежал живому и разумному человеку.

– 29-19, спасибо. – Игорь, обжигаясь, взялся было за блюдо, потом хмыкнул и толчком пальцев перебросил его по воздуху точно в центр стола. На ходу подхватил оба стакана, открыл хлебницу. Он любил подовый хлеб, большие полукруглые буханки, а мама – ржаной «бородинский». При слове «бородинский» Игорю неизменно представлялось поле, застилающие солнце пороховые дымы, сшибающиеся конные лавы, дробный гром больших барабанов и зоркий взгляд единственного глаза имперского полководца – такой неподходящий к смешному грузному телу и старческому, чуть задышающемуся, голосу. Проще говоря, представлялись кадры из фильма «Слава нашего оружия», серия 217-я, «Бородино». Это заставляло относиться к «бородинскому» с уважением, но на вкус он Игорю не очень нравился.

Напевая довольно громко воинственный мотив из вспомнившейся серии, Игорь расположил на столе хлеб, переложил двойные ломти кусками ростбифа, приготовленный для мамы посыпал нарезанной зеленью (скукоженные мерзлые и непривлекательные опилки из пакетика на воздухе тут же превратились в свежие), а свой мазнул горчицей. От ее запаха наконец-то полностью очнулся, проснулся организм – и есть захотелось так, что мальчишка уже собирался вцепиться

в один из двух своих бутербродов, а уж потом нести остальное наружу, но...

– Игорек, к тебе визит, – сообщил спикер.

– Ууууу! – мальчишка от разочарования даже взвыл, отложил бутерброд и крикнул: – 29-19, сюда давай, кто там еще о... О?!?!?!?

Капитан-преображенец – в парадном мундире, – появившийся над пластиной связи, не выказал ни малейшего удивления по поводу еще не вполне обсохшего персонажа в трусах, который стоял у кухонного стола.

– Сурядов Игорь Викторович? – как ни в чем не бывало осведомился офицер.

– Это я. – Игорь кивнул. – С кем имею честь?

– Капитан гвардии Дорошевич, личный секретарь Его Императорского Величества. – Игорь снова кивнул – точнее, уже поклонился, хотя еще ничего не понимал и не ощущал, кроме изумления. – Игорь Викторович, мы понимаем, что вы находитесь на каникулах, но, может быть, вы сочтете возможным выполнить просьбу Его Императорского Величества и сегодня к вечеру прибыть в столицу? В случае вашего согласия собирайтесь – в течение двух минут за вами будет выслан легкий самолет дворцового аэропарка. Итак, Игорь Викторович?

3. Лучшие

Самолет оказался двухместным реактивным «лучом» цветов Дома – алый, с личными императорскими гербами на коротких, загнутых на концах кверху крыльях и разнесенном двойном хвосте: золотая рысь с серебряной секирой в правой лапе. «Луч» сидел в положении «на взлет», опираясь о землю выпущенными передними опорами и почти уткнувшись в гладкое покрытие дюзами двигателей. Стоявший рядом пилот – в обычной форме ВВС с погонами штабс-капитана – издалека смотрел на идущего мальчика; и ни во взгляде, ни в позе не было нетерпения.

Игорь оделся в лицейскую форму и нес маленькую сумку, с которой обычно уезжал на занятия. Вozить с собой много вещей давно не было необходимости, по крайней мере на Земле и в «старых» колониях – где бы человек ни оказался, к его услугам был максимум удобств, нередко – бесплатных. Лицо мальчишки было тоже совершенно непроницаемым, как будто вызов к Императору он получал по меньшей мере раз в месяц. Провожать себя он никому не позволил – да никто и не настаивал, хорошо зная характер среднего Сурыдова. Велина Целимировна проводила сына дальше всех – на крыльцо. Остановив, внимательно осмотрела взглядом скорей унтер-офицера, чем матери, одобрительно кивнула. Помедлив – Игорь выжидающе не сводил с нее глаз – негром-

ко сказала:

– Я чувствую – тут что-то важное.

– Думаю, что для неважных дел Его Величество вызвал бы кого-нибудь из ближнего окружения, – серьезно сказал Игорь.

Велина Целимировна слегка ткнула сына пальцем в лоб, улыбнулась, но лишь на миг – улыбка тут же пропала:

– Не шути, Игорек. Если я еще не растеряла своих навыков, могу сказать: дело, для которого тебя вызывают, – дело важное, очень важное, и... – она помедлила, – и опасное.

– Что ж, – Игорь сделал усилие и остался невозмутимым, хотя внутри опять радостно и торжественно запели серебряные трубы, как в тот момент, когда капитан Дорошевич передал ему просьбу Императора, – разве мы живем не для таких дел?

Велина Целимировна немного склонила голову:

– Да, это так. Я ничего не буду тебе говорить особо – ты мой сын и ты кровь рода Сурядовых. Иди и сделай то, что тебе прикажет Его Величество. Если выполнение его приказа добавит России славы – это будет и наша слава. Если ради славы России ты будешь должен отдать свою жизнь – это тоже будет наша слава... – Она подняла руку отталкивающим жестом и сказала повелительно: – Иди, мой второй сын. Твой отец гордится тобой...

Сбежав по лестнице в сторону тропинки к посадочной площадке, Игорь не выдержал – обернулся. Велина Целими-

ровна стояла в дверях. Увидев, что сын оглянулся, она шагнула вперед, раскидывая руки – Игорю на миг показалось, что это... орлиные крылья. А потом донесся ее голос, и мальчик слышал его, даже когда уже подходил к «Лучу». Мать пела...

Вера моя – воля,
Лики озер – мои образа,
Певчие-ветры в поле,
Сила моя – гроза!..

– Я готов, – кивнул в ответ на молчаливый вопрос пилота Игорь и принял поданный шлем, нахлобучил, застегнул под подбородком.

В кабине пилот подал ему маленькую «памятку» и суховатым голосом, в котором выразительности было не больше, чем в звуке сыплющегося песка, предложил – даже без оттенка приказа, но странным образом непреклонно – ознакомиться с материалами. Игорь кивнул, прищелкнул «памятку» в комбрас и, включив в шлеме проектор, уже на автомате зафиксировал себя ремнями в мягком глубоком кресле. И вдруг подумал – а точнее, ясно понял, – что не удастся слетать в Декан к лучшему другу Мишке, а ведь обещал, что прилетит через две недели, и Мишка будет ждать, и ничего не объяснишь ему, обидится он... а сам Игорь – где он будет через две недели?

Правота матери и ее неясные слова о важном обрели плоть

вместе со щелчком фиксаторов ремней. Игорь стал не вполне обычным человеком – скорее автоматом с натренированным человеческим мозгом, автоматом, готовым ко всему...

«Луч» прыгнул в небо, чтобы почти тут же выметнуться в стратосферу и набрать скорость более десяти тысяч километров в час. Но Игорь – честное слово – почти не заметил перегрузки, удивленный разворачивавшейся перед ним информацией. Такого он не читал никогда и нигде! Если честно, даже не мог себе представить, что описываемые вещи могут быть сколь-либо реальны...

Йэнно Мьюри:

Жесткая, сугубо деловая раса мьюри – целеустремленные и независимые люди. Их родная планета – естественный рай, хотя столетия эксплуатации оставили на ней свой отпечаток. Сострадание не чуждо мьюри, но их черта смотреть на все вокруг, тонко просчитывая всевозможные исходы событий, заставляет их слишком часто жертвовать милосердием в угоду долгосрочной «прибыли».

В прошлом они были настоящими демонами войны, но современные мьюри, выросшие в роскошной и склонной к гедонизму культуре, прежде всего пытаются распропагандировать, а не убить врага. Но если эта тактика терпит неудачу, противник просто истребляется. Стирается даже его след, причем переход от уговоров к убийствам происходит у мьюри совершенно внезапно и с поразительной легкостью.

Мужчины: бдительны и полны решимости. Они властны, упорны и эгоцентричны, готовы многим пожертвовать ради высокого социального положения.

Женщины: в какой-то мере противоположность мужчин, чутки и осмотрительны, известны умением распутывать даже самые острые конфликты. Они привлекательны, практичны, воспринимают мир таким, какой он есть.

Общество:

Формально Федерация Йэнно Мьюри представляет собой последнюю в Местной Зоне «классическую» демократию. Фактически же – это государство, построенное на диком капитализме, оно управляется восемью мегакорпорациями. Каждая состоит из тысяч мелких компаний, от юридических фирм до индустриальных концернов. Вся земля и недвижимость принадлежат этим компаниям, они, в свою очередь, сдают их в аренду гражданам и правительству. Охраной Федерации тоже занимаются независимые военные компании. Мегакорпорации доверяют друг другу с большими оговорками, у каждой есть собственные вооруженные силы для защиты собственности.

Хотя все это дает корпорациям неограниченные полномочия, они в то же время скованы таможеней и законами Федерации. Постоянная, иной раз даже жестокая конкуренция между ними способствует быстрому росту научной и экономической мощи расы мьюри, но разрушает ее социальную структуру беспощадной «отбраковкой» «неуспеш-

ных» людей. Попыток воспитания народа в целом мьюри практически не делают, профессия педагога у них считается профессией аутсайдера.

Так как в Федерации торговлей занимаются компании, а не государство, это сдерживает развитие политических отношений с другими империями. Если компания виновна в неэтичных деловых отношениях, она просто исчезает, и вскоре ее место занимает другая. Но если компании угрожает чужая корпорация или даже государство, то мьюри применяют силу почти без раздумий.

Общество мьюри имеет богатые военные традиции. Когда-то они вели жестокую и затяжную войну со своими колониями, ныне известными как Союз Аниу. Именно тогда корпорации утвердились как движущая сила в создании и развитии нового государства – Федерации. Сейчас, несмотря на давно царящий мир, мьюри все равно стремятся быть первыми в военных технологиях, хотя до сих пор уступают в этом аниу и другим расам Верхнего Края.

Чтобы выплескивать свою агрессивность, мьюри активно участвуют в различных спортивных состязаниях. Многие из них кровавы, подобно гладиаторским боям. Помимо спорта мьюри любят азартные игры, они создали целую игровую индустрию в государстве.

Помимо самих мьюри в Федерацию входят еще три расы. Считается, что до контакта с ней они находились на примитивном уровне развития, а под покровительством мьюри

развились и стали полноправными членами Федерации – однако на самом деле это не совсем так.

Аншу первоначально были лишь политическим движением, но из-за всевозрастающих разногласий и вражды с остальными мьюри им пришлось искать новые системы и создать там свое государство. Какое-то время эти две части расы воевали, но так как никто не смог одержать победы, они заключили мир.

Сейчас на планетах Федерации живет множество выходцев из других рас – большинство их покинули родину по политическим или идеологическим причинам или прилетели просто в поисках счастья – Федерация создала своим гражданам лучшие в Местной Зоне, но в то же время ограниченные условия жизни. В ней можно жить довольно хорошо и красиво – но лишь строго соблюдая ее законы, как писанные, так и неписанные. Жизнь их нарушителя быстро становится невыносимой. Такие мьюри теряют все: уважение, семью, статус, работу, и единственный выбор для них – изгнание или самоубийство.

Мьюри допускают в свое общество инопланетян, но лишь тех, кто придерживается их правил. Вхождение в состав их цивилизации предполагает фактически полный отказ от самоидентификации любой расы.

Общество мьюри контрастно. Большинство богачей Местной Зоны живут именно на Йэнно Мьюри – они создают постоянный спрос на предметы роскоши и известны са-

мыми дорогими космическими яхтами и особняками.

Но сотни миллионов мьюри ужасающе, постыдно бедны, потому что либеральная рыночная экономика и свобода прав человека дают каждому шанс не только подняться к вершинам общества, но и обеспечивают риск неожиданно и алогично потерять все из-за принципиально нерассчитываемых «конъюнктур рынка». У мьюри нет правильного понимания экономики, они считают ее саморегулирующимся механизмом, доведя это заблуждение до совершенства и превратив в одну из основ своей жизни.

Для многих Федерация – это «обетованная земля», где любая мечта может стать реальностью. Мечты же многих существ, вызванные к жизни абсолютным отсутствием воспитания, поощряемым обществом Йенно Мьюри, – ужасны. Такое общество не только отвратительно, оно еще и буквально пожирает себя изнутри. Со стороны может показаться, что Федерация Йэнно Мьюри – монолитное, цельное государство. Так – отчасти – было в прошлом, но теперь даже сами мьюри понимают, что дальше подобным образом жить нельзя. Восемь крупнейших мегакорпораций преследуют каждую свои цели, цинично пренебрегая интересами общества, и буквально рвут Федерацию на части.

Сейчас вокруг различных идеологий, главным образом в отношении внешней политики, сформировались три группы – кое-кто из них даже призывает к революции! Эти новые

радикальные веяния пока не могут перевернуть внутреннюю политику мьюри, но могут сильно повлиять на их отношения с другими империями.

Историки мьюри обеспокоены этим, они проводят параллели со временем начала Великой Гражданской войны – ситуация в точности повторяет те страшные времена. Тогда мегакорпорации раскололись на два лагеря, одни настаивали на мирных переговорах с аниу, а другие хотели войны. Конфликт был решен с помощью ряда заказных убийств. Все лидеры миролюбиво настроенных корпораций были уничтожены, а сами они поделены между милитаристами и втянуты в войну.

Сейчас Федерация не ведет войн, но политическая ситуация в ней очень нестабильна, многие опасаются, что время Второй Гражданской уже не за горами. Пока мы не можем сказать, какая из трех противоборствующих группировок одержит верх, их силы практически равны. Во главе каждой из фракций стоит мегакорпорация, и ее поддерживают корпорации поменьше.

Первую фракцию, «Практиков», как они сами себя называют, возглавляет мегакорпорация «Амфатара», или просто «Амфа».

«Амфатара» – одна из крупнейших корпораций мьюри, по размеру она сопоставима только с «Сурнимайа Корп». Она является крупнейшим игроком на рынке недвижимости. Ей и подвластным ей компаниям принадлежит почти 40% всех

земель в мирах Федерации.

«Амфатара» славится своими незэтичными, зачастую безжалостными методами ведения дел. Она почти не заботится даже о своих друзьях и повинна в большей части конфликтов Федерации с другими империями.

Ее главные союзники – «Траде Корп» и «Нихель Корп». Все три корпорации известны циничным пренебрежением к этике и связью с организованными преступными сообществами. Для них весь остальной мир – лишь средство обогащения, с которым не стоит считаться.

«Траде Корп» – один из крупнейших экспортеров и импортеров в Федерации. Она контролирует многочисленные торговые маршруты, далекие и близкие, постоянно перевозит огромные объемы товаров – в том числе контрабанду, включая рабов и наркотики. Это торговля до мозга костей, их главный тезис: нельзя всем заработать, кто-то обязательно будет разорен.

«Нихель Корп» – единственная мегакорпорация мьюри, работающая в индустрии развлечений и контролирующая ее почти полностью. Она готова производить все: от дешевого порно до великолепных гиперпространственных яхт, лишь бы удовлетворить все прихоти клиентов. «НХ», как ее обычно называют, известна своими прочными связями с преступным миром – большая часть ее бизнеса прямо связана с этой «аудиторией», да и сама компания часто преступает закон. Для «НХ» главное – это прибыль, на пути к ней

ее владельцы не останутся ни перед чем, пойдут не только на убийство, но и на любое злодейство, которое только в состоянии представить их крайне извращенная и, к сожалению, чрезвычайно богатая фантазия. «НХ» не брезговала даже торговлей человеческим мясом – закупленными у Чужих в период войны трупами землян и даже плененными, выкупленными и убитыми землянами.

Вторая фракция – «Либералы», их позиция внешне полностью противоположна «Практикам». Они призывают к открытой и честной торговле, к уважительному отношению к другим империям, уверяя, что только взаимовыгодное сотрудничество ведет к процветающему мирному будущему, но на самом деле они выступают лишь против барьеров на пути свободного распространения их товаров и ищут пути захвата колоний, альтернативные военному вмешательству. Они всецело поддерживают идею укрепления контактов с Землей, так как видят в ней гаранта свободной торговли и мирного развития отношений с соседями. Этот блок состоит из двух мегакорпораций – «Иривана» и «Найравана». Из числа их союзников особый интерес представляет компания «Варп Дайнемикс».

«Найравана»

«Найравана» – одна из немногих корпораций, основанных на Йэнно Мьюри в Индустриальный Век, вскоре после первого контакта со сторками и переживших войну с аниу. Долгое время она была самой слабой из мегакорпораций, но мир

с анию изменил ситуацию. «Найравана» первой начала торговать с ними и получила от них технологию гравипривода, принесшую ей миллиарды прибылей, прежде чем другие компании спохватились. Она до сих пор пожинает плоды хороших отношений с анию и обладает самыми продвинутыми технологиями за пределами их пространства.

Крупнейшая инвестиционная компания в Федерации, «Найравана» – прогрессивная корпорация, готовая вкладывать средства в рискованные предприятия. Она помогла многим перспективным компаниям вырваться за пределы Федерации и выйти на новые рынки, она также серьезно вовлечена в зарубежные инвестиции, особенно в Империи Джаго.

«Иривана»

«Иривана» – редкий пример того, как компания-аутсайдер смогла захватить лидерство в Федерации. В прошлом подпольное содружество контрабандистов, «Иривана» отреклась от прошлых деяний, чтобы получить признание в обществе. После великого исхода – Бегства анию – когда половина расы покинула родную планету, новую державу надо было поднять из руин в кратчайшие сроки. «Иривана» была одной из компаний, совершивших этот великий рывок, и до сих пор она живет на дивиденды от своих прошлых свершений. Она уже не так активна в мире большой политики, но все еще имеет в этой области большой авторитет.

В пору расцвета «Иривану» прославляли как новую ве-

ликую надежду Федерации, но в последние несколько десятилетий компания переживает упадок. Консервативная и осторожная, она придерживается старой поговорки мьюри: «Выживают только параноики» и всей своей деятельностью соответствует этим словам.

«Варп Дайнемикс» – мелкая исследовательская фирма, основанная эксцентричным Огро Варатасом, первым мьюри, перенесшим свой разум в машину. «ВД» с момента возникновения находится на переднем крае исследований в биохимии и наномеханике, а ее штаб-квартиру проще описать как сочетание лаборатории безумного ученого и тропического зоопарка. Она создала первый действующий гипердвигатель для коротких внутрисистемных прыжков. И пусть «ВД» не оправдала возлагавшихся на нее надежд, она всегда удивляла новаторским и интересным подходом к своим разработкам и сделала свой вклад в развитие двигателестроения.

Третья фракция заботится о том, какое место занимает Йэнно Мьюри в отношениях с другими империями, как в военном, так и в экономическом аспекте. Они называются «Патриотами», фракция состоит из «Сурнимайа Корп» и ее союзников.

«Патриоты» берегут историческое наследие планеты и призывают к возрождению Империи. Самые фанатичные из них призывают к войне со Сторкадом, но пока они в меньшинстве. Большинство желает добиться военного господ-

ства для Йэнно Мьюри и как следствие экономического доминирования. Они уверены, что, достигнув военного преимущества над всеми соседями, смогут диктовать свои условия и внутри самой Федерации.

«Сурнимайа Корп»

Создана в годы войны с аниу как основа военной машины Федерации. После войны сфера ее деятельности расширилась, но военное кораблестроение до сих пор остается гордостью компании. Она строит немало кораблей на заказ.

Крупнейшая мега-корпорация мьюри, «Сурни», как ее обычно называют, имеет свой интерес почти везде. Они производители и исследователи, да и в политике у «СК» сильные позиции. Их главным соперником и в бизнесе и в политике является корпорация «Амфатара».

Корпорация до сих пор принадлежит семье Сурнимайа, ее основателям, известным своей честью и надежностью.

«Махион Корп»

Создана мегакорпорацией «Сурнимайа» как прямой ответ «Нихель Корп». Хотя «НК» удерживает наибольшую долю рынка развлечений, «Махион Корп» умудряется блистать и на таком невыгодном фоне, и ее продукция приобретает все большую популярность – многие считают ее единственным противовесом насаждаемой «Нихель корп» аморальности.

«Минералик Корп»

Основана группой независимых шахтеров. История «Ми-

нералик» началась в годы войны с аниу, с флотского отряда особого назначения, который начинял астероиды взрывчаткой, делая из них мины-ловушки. После войны личный состав отряда создал компанию и применил свои особые знания для скорейшего продвижения к вершинам добывающей индустрии. С тех пор компания расцвела, и темпы ее роста – одни из высочайших в пространстве мьюри. Также фирма известна как производитель жилых отсеков и систем жизнеобеспечения для космических кораблей и станций. У нее энергичная программа исследований, ее технологические достижения заставляют нервничать даже великую «Найравану».

«Минералик» до сих пор с особенной охотой принимает на службу бывших военных, а ее военные силы считаются одними из лучших и не уступают силам крупнейших мегакорпораций. Считается, что большинство якобы пиратских нападений на корабли «Амфатары» и ее союзников совершается именно рейдерами «Минералик» и что официальная деятельность компании служит лишь прикрытием для создания сети нелегальных поселений, которые служат базами для разного рода экстремистских организаций, ставящих своей целью радикальное изменение всего общества мьюри.

На первый взгляд мьюри могут показаться никчемными созданиями, увлеченными одной лишь погоней за удовольствиями. Тем не менее все, что у них есть, они создали сами,

и никому не следует забывать этого факта.

Из личного отчета ООСЕИВК Его Величеству.

* * *

– «Памятку» возьмите, пожалуйста, – дождавшись, пока «луч» прочно встанет на опоры, Игорь протянул пилоту блок.

Тот покачал головой, не поворачиваясь:

– Оставьте себе и выходите – вас ждут... – затем все-таки повернулся. В глазах пилота была симпатия и немного – почему-то – зависть. – Ты там не подкачай, парень, – сказал он. И видя, что Игорь собирается задать вопрос, вернулся к официальному тону: – Невежливо заставляя ждать хозяина дома. Выходите.

– Хозяина дома? – До Игоря не сразу дошел смысл этих слов. А когда дошел, то он промахнулся мимо ремня сумки, подхватил ее только со второй попытки и, выбравшись из кабины, увидел, как к пустому пятаку посадочной площадки, расположенному посреди соснового леса (сосны были гигантскими, краснокорыми, у их корней пушился белый мягкий мох...) идет по узкой тропинке человек в гвардейском мундире преображенцев. Полковничьем, это было видно издалека. Но в мире был только один полковник Его Величества Лейб-гвардии Преображенского полка... только

один человек, который имел право на этот мундир... Игорь понял все по форме раньше, чем разглядел лицо. Но в следующий миг его внимание оказалось отвлечено – рядом с Императором возникла и поплыла голограмма. Мальчишка узнал запись событий двухмесячной давности: Общеимперский Чемпионат боевых искусств среди юниоров, группа 13 – 15 лет... его бой – финальный бой с Джерри Карнеги... вот! Рыжий веснушчатый крепыш на полтора года старше Игоря получает удар ногой в живот, отлетает, даже не пытается подняться – без сознания! Восторженный вой трибун – чуть ли не громче, чем тогда ему показался на самом деле, особенно если учесть звон, возникший в тот миг в голове после стремительного и беспощадного свинга в ухо... Зачем Императору эта запись? Что в ней особенного-то?

Император подошел вплотную, голограмма – лицо Игоря и вскинутые руки – уплыла куда-то в сторону. Мальчик тут же слегка склонился – церемониально:

– Ваше Величество, Игорь Сурядов из рода Сурядовых, второй сын...

– И первый рукопашник человечества среди тех, кому еще не исполнилось четырнадцать, – прервал его Вячеслав.

– Мне исполняется четырнадцать через месяц, – уточнил Игорь – просто чтобы сказать, не молчать. – Я получил вашу... просьбу, Ваше Величество, и счел за высочайшую честь исполнить ее тут же.

– Скажите, Игорь, – с искренним интересом спросил

вдруг Император, – вы всерьез считаете, что разобрались в причинах конфликта скиуттских кланов на Варрохе?

Вопрос был неожиданным. Но Игорь тут же покраснел – от удовольствия (Император читал его работу в дайджесте «Лицеи Империи»?!) и гнева (конечно, он не верит, что в двенадцать лет можно разобраться в клановой стычке скиуттов, о которой они сами толком ничего не могли сказать!) и сказал быстро:

– Да, я так всерьез считаю.

– Гм... – Император уже шел обратно, и так получилось, что Игорь шагал рядом с ним, лишь на полшага позади. – Гм. Я не ксенолог, мне никогда не нравилась ксенология. Не могли бы вы меня несколько... просветить на этот счет? Насколько я помню, двое наших дипломатов были внезапно обезоружены и вежливейшим образом посажены под арест, чтобы не мешали этому малопонятному конфликту...

– Да он малопонятен только с точки зрения семейного общества, каковым является наше! – Игорь воодушевился. – Если экстраполировать действия скиуттов на модели земных клановых систем – все становится более чем ясным...

За разговором – говорил Игорь, Его Величество время от времени задавал вопросы – они дошли до поворота в известный всему человечеству «Уголок жизни». На нескольких гектарах сложные автоматы поддерживали множество «климатических уголков», каждый из которых являл собой небольшой фрагмент одного из освоенных русскими миров.

«Уголок жизни» всегда был открыт для посетителей – экскурсий, туристов, просто любопытных – и пользовался даже большей популярностью, чем Космозоо в Петрограде.

Издавека Игорь, как ни был увлечен разговором, увидел, что у главных ворот стоят с десятков мальчишек – примерно его возраста, одетые в форму разных Лицеев. Некоторые оживленно разговаривали друг с другом, другие просто осматривались, кто-то читал с комбраса или висящего перед лицом голографического экрана. Игорь с удивлением понял, что знает почти всех... да нет, всех остальных парней. Не всех – лично, но – знает. Это были победители самых разных соревнований по рукопашке. Насчет некоторых Игорь удивлялся – почему в финал вышел он, а не они. Кое-кого он знал еще и по научным и исследовательским работам – весьма многообещающим. Кстати, и на него тоже уже смотрели, и кто-то сказал довольно громко:

– Сурядов идет.

А кто-то еще окликнул:

– Игорь, привет!

Игорь сбился, закончил объяснение и посмотрел на Императора – с некоторой долей требовательности. Ответом был строгий взгляд и легкий толчок в спину:

– Спасибо за интересный рассказ. А теперь идите. Немного подождите, я должен встретить еще троих.

И, повернувшись, Император зашагал обратно. Игорь проводил его глазами, потом вздохнул и уже быстрым шагом

подошел к ожидающим его мальчишкам. В сущности, представляться не было нужды, он легко вспоминал имена, отчества и фамилии даже тех, кого и видел-то только на экране. Мальчишки с прибытием новенького начали опять строить догадки на тему, зачем их сюда собрали. При этом все дружно выказывали вслух недовольство прерванными в самом начале каникулами – и столь же дружно ощущалась в воздухе атмосфера ожидания и неумного любопытства.

– Древние Боги наконец-то проснулись и потребовали жертвы, – не поймешь, серьезно или в шутку предположил мрачным тоном рыжеволосый плечистый Тиудир (с фамилией фон Лютциг), с которым Игорь встречался в поединках пару раз. Кроме того, трудно было не зачитаться его «Историей тевтонов», которую печатал их лицейский альманах – работа мальчишки походила на мальчишескую же песню, вдохновенную, в которую вложена вся душа, и оттого почти не замечаются огрехи, ошибки и неточности исполнения. – Нас всех отвезут в Аркаим⁵ и торжественно сожгут в Равноденствие. Как лучших из лучших, – добавил он без ложной скромности (но в общем-то справедливо).

Мальчишки примолкли. Потом зеленоглазый, веснушча-

⁵ Древний город ариев на р. Синташта в Сибири. Некоторые считают, что это был культовый центр арийской общности до ее переселения в Европу (в этой книге восстановленный Аркаим играет такую же роль – правда, без религиозного оттенка). Но один из авторов (О. Верещагин) придерживается прозаической теории, что весь комплекс Аркаим представлял собой просто-напросто завод по постройке колесниц все для того же переселения.

тый Славка Макаров, известный пирокинетик⁶, не без успеха пытавшийся учить этому младших, потрянул головой и сказал серьезно:

– Если бы по правде так было нужно для Родины – я бы пусть... Разве мало наших на самом деле за Родину... сожгли?

– И совсем даже не торжественно, – добавил его тезка (и троюродный брат Игоря) Славка Данич. Каждый из мальчишек понял, что имел в виду хорват, они опять примолкли, поглядывая вокруг рассеянно и нетерпеливо.

Игорь снова внимательно оглядел всех мальчишек. Слова Тиудира о жертве не шли из головы. Нет, это была, конечно, шутка. Но и что-то от правды в ней ощущалось тоже.

Ему очень захотелось домой. Это было странное и непривычное желание. Секунду анализируя его, Игорь понял, что это – обычный страх. Страх перед неизвестностью, перед загадочной темнотой вне освещенного круга возле уютной, обжитой пещеры.

И упрямо наклонил голову, заставляя страх отступить.

* * *

На экране пятнадцать мальчишек покачивались в открытом вагончике, везущем их на дворцовый лунадром. Они

⁶ Умение управлять пламенем и даже производить его ресурсами организма.

вертелись и весело глазели по сторонам. В таком возрасте больше всего угнетает неподвижность, пусть сколь угодно комфортабельная – больше всего бодрит движение, пусть сколь угодно трудное...

– Это они и есть?

Его Высочество Цесаревич, скрестив руки на груди, смотрел на экран поверх отцовского плеча. Василий Вячеславович был очень похож на отца, только одевался не в парадный мундир гвардии, а в довольно скромную повседневную форму звездолетчиков со знаками различия капитана второго ранга военно-космических сил.

Император кивнул, не оборачиваясь:

– Это они и есть.

Цесаревич покачал головой:

– Не перемудрил ли дядя Илья со своим планом? Все привезут показывать достижения своей техники, а мы...

– Технику мы возем тоже, и лучшую, которая есть, ты это отлично знаешь, – ответил Император. – Но многих на этом сборище техникой не удивишь. Никакой, даже самой изощренной. Разве наша техника заставила два с лишним века назад развалиться альянс Чужих?

– Но мальчишки... – Василий Вячеславович вздохнул. – Можно было бы отказаться от участия в рукопашных боях. Это, в конце концов, всего лишь один из многих видов соревнований.

– Слушай, Васька, – отец наконец обернулся к сыну, – мне

кажется, что это ты мой отец, а не я твой! Вспомни-ка себя лет сорок назад. Выпади тебе такое – неужели ты стал бы прикидывать, рассчитывать и думать?! Или вцепился бы руками и ногами в такой шанс с криком: «Мое, не отдам!»?!

Засмеявшись, Цесаревич поднял руки в шутливом жесте сдачи.

– То-то же, – наставительно сказал ему отец. И оба они вновь повернулись к экрану – вагончик сворачивал на поле, и мальчишки, повскакав с мест, разглядывали Императорскую яхту, которая должна была доставить их на базу витезей «РА».

Все пятнадцать мальчишек:

Белозерский Андрей

Беляев Дмитрий

Вайрау Раймар фон

Валишевич Антон

Вихорев Андрей

Вишневский Мариан

Волохов Федор

Ворожеев Андрей

Данич-Горват Мирослав

Залов Данчо

Лютциг Тиудир фон

Макаров Святослав

Немиров Владимир

Сурядов Игорь

Шомберк Яромир

– Не подведите, ребята, – тихо сказал Император. – И возвращайтесь живыми.

4. На палубе – слушать!

– Вот это да! Игорь, смотри! – Андрюшка Ворожеев так пихнул Игоря в бок, что тот скривился. Но ничем не ответил – было не до этого.

Призыв был зряшным. К иллюминаторам шаттла прилипли все пятнадцать лицестов – расплющивая о стекло носы и даже отпихивая друг друга. Не потому, что не хватало места – просто от волнения, словно место у иллюминатора как-то приближало смотрящего к этому – этому, к чему неуклонно приближался шаттл. И до мальчишек постепенно начинало доходить, что вот это – и для них тоже, они летят туда! Кто-то, окончательно обалдев от счастья, выкрикивал:

– «Разящий»! «Решительный»! «Полтава»! «Грозный»! «Верный»! А вон англосаксы! «Хенгист»! «Вюрсгеорт»! Смотрите, сколько их!

Они смотрели. Они смотрели во все глаза.

Там, где за орбитой Плутона Ближний Космос словно бы обрывается в черную бездну – оттолкнись от Солнца, шаг – и упадешь в ничто, в то ничто, которое так долго когда-то прятало от землян звезды – там, где кончались огни поселений и станций, там – в неправдоподобно четком строю – гигантской, раскинувшейся на несколько десятков километров буквой W – сияли в пустоте походными огнями корпуса множества кораблей. Их было... Игорь попытался сосчитать,

хотя точно знал, что их сорок (авианосец, два линкора, четыре крейсера, десять эсминцев и три вспомогательных судна от каждой из Империй) и знал все корабли по именам. Но сейчас просто разбегались глаза. И те проблемы, сомнения и тревоги, которые – никуда от них не деться – приходили к каждому из мальчишек по ночам, казались смешными и ничтожными перед лицом такого воплощения силы человечества.

Не отлипая от иллюминаторов, мальчишки начинали переглядываться. В глазах у них появлялась смесь гордости и тревоги. Они – пятнадцать юных воинов Русской Империи и пятнадцать летящих сейчас где-то воинов Империи Англо-Саксонской, их ровесников, они лишь маленькое звеньшко в защищающей Землю кольчуге. Вот она, сияющая и грозная броня человечества. Ее мощь наглядна и неоспорима. Там – тысячи людей. Тысячи лучших звездоплывателей, пилотов, ученых, разведчиков, контактеров, инженеров, техников. И многих, многих других – взрослых людей, которые могут и умеют все. Но... но ведь даже крохотного ослабевшего звена достаточно, чтобы вражеское копье вошло в бок, чтобы пробила грудь бойца свистящая стрела... И ведь ждут сейчас где-то – совсем далеко – другие. Ждут, охваченные той же самой страстью, одной мыслью – победить. Победить их, землян. Ждут – такие, как в фильмах, которые показывали на базе «РА» на острове Буян⁷. Ждут – привыкшие да-

⁷ В нашей пространственно-временной реальности – о. Рюген.

вить весом, числом и мощью своих жутких кораблей, грозой своих невыдуманных побед, памятью о непобедимости своих предков, опрокинувших черт-те сколько миров... Ждут.

И они, пятнадцать человек, – они летят. Не на экскурсию. Даже не на соревнования. Они летят в бой. На равных со взрослыми. Как в годы Той Войны.

* * *

А если... если я...

Дальше не думалось. Дальше не хотелось думать. Игорь, глядя, как из подплывающего борта линкора «Полтава», окутываясь облачками вымерзающего воздуха, выпрыгивают гибкие щупальца захватов, решил – не за других, за себя и только за себя: «Ну что ж. Если я чего-то не смогу – лучше пусть умру, пытаюсь смочь. И все».

И пришло спокойствие.

Шаттл медленно, в полной тишине, потеряв собственный ход, плыл, подчиняясь захватам, к открывающемуся створу ангарной палубы линкора – сравнительно с кораблем – небольшой совсем. Наверху нависал, делаясь огромным, острый нос ходовой рубки. Почти физически ощущались взгляды – оттуда, сверху, из-за толстых плит прозрачной брони – там взрослые люди, офицеры, смотрели на шаттл, хорошо зная, кто на нем летит. А мальчишки не спешили рассаживаться по креслам, хотя этого и требовала посадочная ин-

струкция. И не смотрели друг на друга. За два месяца они отлично изучили и лица, и привычки своих товарищей – пятнадцати лучших дворян-лицеистов в возрасте 13 – 14 лет, которых выбрала Русская Империя. Им не требовалось глядеть друг другу в лицо или что-то говорить – мысли и чувства читались и так, читались, как крупный текст на белом листе.

– Парни, – сказал, берясь обеими руками за спинку кресла, Яромир. На него посмотрели разом все. – Парни, давайте... только – не вслух. Не надо трепать слова. Давайте каждый... сам про себя. Ну, вы понимаете. Скажем – и сделаем, как сказали.

И чуть наклонил голову.

Они понимали. Все понимали...

Игорь не пытался прочесть мысли или хотя бы чувства остальных. Зачем, и так ясно. Он не знал точно, что именно сейчас они повторяют про себя. Но был уверен – смысл сказанного в тишине такой же, как у него. А он всего лишь повторил кусочек из Клятвы Огня – слова, которые говорят вслух один раз в жизни, но помнят всю жизнь. Короткую или длинную – не важно.

...и когда прах мой станет пламенем, каким была при жизни моя душа – пусть даже враги мои не смогут найти недоброго слова о том, как я жил – если есть у них хоть капля чести. Так я сказал, так я поклялся, так буду жить я – я, Игорь сын Викторов Сурядовых рода, русский дворян-

нин и слуга народа русского, плоть от плоти, кровь от крови, дыхание от дыхания...

Игорь сел в кресло и прикрыл глаза. Ему вспоминалось сейчас удивление, охватившее их всех на базе «РА», когда им полностью – обстоятельно и подробно – объяснили предстоящую миссию. Игорь знал, что в последнее десятилетие космические просторы стали доступны как никогда ранее. Между Империями установился пусть хрупкий, но мир – и они бросили все силы на открытие новых космических маршрутов, что превратило Галактику в рай для исследователей и колонизаторов. Чуть ли не ежедневно у границ изученного пространства открывались новые планеты, непокоренные миры ждали своих первопроходцев. Все Империи поощряли и поддерживали частные компании, которые занимались освоением недавно открытых планет. Рост темпов экспансии позволял Империям расширяться, а исследователям давал приличный доход. Эти компании получали от своих правительств самые широкие полномочия, военную и финансовую поддержку – и, в свою очередь, головой отвечали за успешную реализацию своих амбициозных проектов. Несколько таких частных компаний создало и правительство Йэнно Мьюри. Они работали успешно и стали очень известны – их именами были названы открытые ими планеты и даже целые звездные системы, которыми они фактически управляли. Станный мир... но это была гонка за лучшее будущее, и в ней участвовали все.

Удивление, восторг, нетерпение – естественные чувства любого мальчишки, которому предложили увидеть новое и испытать свои силы. Поэтому на предложение подумать и упоминание возможности отказаться последовала лишь изумленная тишина, нарушенная парой тихих «пфы...». Потом были два месяца тренировок. В общем-то не таких уж сложных и тяжелых, ребята, привыкшие к нешуточным лицейским нагрузкам, быстро приспособились к новым требованиям. Скорей удивляли немалые массивы открывавшейся им новой информации. Оказывается, человечество знало и умело несколько больше того, что было общеизвестно.

Их навещал Император. Не то чтобы каждый день, но раз десять за эти месяцы прилетал. Именно он объяснил, что надо будет сказать родителям и друзьям – да фактически правду, умолчав лишь о парочке нюансов, вроде вполне реальной опасности не вернуться. Велина Целимировна выслушала сына с каменным лицом, но в глазах ее Игорь различил зажегшийся огонек гордости и азарта...

... – На выход, давайте на выход! – окликнули мальчишек из отъехавшей в сторону двери пилотской кабины.

* * *

Форма лицеев, в которых учились ребята, была оставлена еще на Земле. Мальчишки переоделись в армейскую парадную форму Русской Империи. В обычных условиях любой из

них скорей сдох бы, чем отказался от ношения лицейского обмундирования на мероприятии такого ранга – но условия были не обычные, и это понимали все.

Лететь предстояло на линкоре, поэтому вес личных вещей был строго лимитирован. Эта традиция сохранилась еще с давних времен и, видимо, торчала в инструкциях неизменной, всеми забытой и уже просто никому не интересной – впрочем, Игорь немало посмеялся вместе с другими ребятами, читая про «не более 25 кг личных вещей на человека». Их «личные вещи» были представлены в основном комбра-сами, редко у кого имелось что-то иное, хотя гитары взяли аж трое. И конечно, каждый тащил объемистую сумку с вещами «неличными». Но это подпадало под раздел «предметы служебного пользования» и не лимитировалось.

Конечно, каждый из них бывал – и не по разу – на борту военных кораблей, и все хорошо представляли себе жилые места для временных пассажиров. Это просто помещение – не важно, большое или маленькое, – по обе стороны которого (а иногда еще и в середине двойной полосой) идут нары, разделенные бортиками, в головах у каждого нары – шкафчик для вещей и лампа направленного света, в ногах – откидная скамейка, рядом с входной дверью – визитер и другая необходимая аппаратура, в торцевой стене – входы в тесноватые душ и туалет – вот и все. На линкорах, правда, не доводилось быть еще никому (кроме музея на земной орбите – линкора «Отвага» времен Первой Галактической Войны – но

это и был именно музей). Мальчишки удивились, узнав, что за ними зарезервированы каюты офицеров-стажеров на центральной жилой палубе: небольшие, конечно, зато каждая с душем и туалетом, с визитером и удобным столом. Без иллюминатора – но какие иллюминаторы в жилых помещениях военного корабля? Их тут вообще нигде нет, кроме рубок да обзорной палубы... Даже в предоставленном ребятам для отдыха и тренировок зале не было и намека на настоящий иллюминатор – только обычное голографическое окно, позволявшее, однако, моделировать пейзажи на любом уровне реальности, доступном земной науке и технике.

Правда, зал этот Игорь увидел потом. Он еле успел снять полетный комбинезон, тщательно осмотреть и как следует оправить форму – ведущий группы, полковник Андрей Данилович Макаров, появился с визитом на экране и коротко приказал собраться всей группе в стыковочном модуле. Игорь отсалютовал, громко ответил «есть!»... и как раз в этот момент ощутил короткий, но мощный толчок – линкор с кем-то состыковался всем корпусом.

Расположение стыковочной палубы Игорь знал наизусть, как и лифтовых шахт, ведущих к ней. Обычно звездолетчики боевых частей живут рядом со своими боевыми позициями, давно нет такого понятия, как «единая жилая палуба», жилые помещения самым причудливым образом перемежаются со служебными постами – по тревоге не побежишь четверть километра и, как бы совершенны ни были лифты, в

один миг не взлетишь (или не спустишься) на высоту двадцатиэтажного дома. Да и от борта к борту линкор не один десяток метров... (Во флоте ходили анекдоты про офицеров, которые служили по пять лет, но не знали в лицо капитана корабля, или про матросов, которые ухитрились дезертировать, не покидая пределов своего судна; про то, что на некоторых кораблях, склонных к гигантомании джаго, о начале Первой Галактической узнали через месяц после того, как корабль вступил в бой – от усталых путников из других отсеков...) Но про пассажиров, конечно, никто особо не думал, и стыковочный модуль – здоровенное выдвижное помещение, похожее на ангар (да и служившее в этой роли сплошь и рядом), был далеко, пришлось добираться вместе с остальными – молчащими и изо всех сил делающими вид, что ничего не происходит, – мальчишками довольно долго...

На самом деле каждый из них ощущал – как и в тот день возле «Уголка жизни», – что сейчас произойдет нечто очень и очень важное. Будет пройдена еще какая-то веха на пути – пути еще даже не к цели, пути к тому Полю Чести, на котором и развернется борьба за эту цель. Нет – Цель.

И они не ошиблись...

Две застывшие в десяти шагах друг против друга шеренги лицеистов были похожи полной неподвижностью и неправдоподобной четкостью – казалось, какой-то мальчишка тщательно расставил своих солдатиков на полу большой комнаты. Зелено-черно-красная шеренга русских – красно-си-

не-золотисто-белая шеренга англосаксов. Из-под козырьков форсисто примятых «на центр» русских фуражек-«макаровок» и переднего края надетых косо к правой брови английских пилоток-глэнгэри смотрели бесстрастные мальчишеские лица – в общем-то похожие. Хотя «подкладка» русских волос, пухлых губ и курносых носопырок с одной – и каштановых волос да резких подбородков с другой стороны указывала достаточно четко, кто есть где даже без формы.

Над шеренгами тяжело обвисали расправленные парадными складками большие флаги военно-космических сил. Справа – черный с Андреевским золотом русский. Слева – темно-синий с серебряной восьмиконечной звездой и Юнион Джеком в крыже англосаксонский. В складках одинаково таилась суровая темнота.

Звуки марша грянули из невидимых динамиков неожиданно – но не от этой неожиданности по шеренгам прошло еле уловимое шевеление. Это был не «О, Россия!» и не «Правь, Британия!». Палубу заполнили звуки «Песни земель». Ее пели в обеих империях, но никогда – вместе.

Никогда – с поры Первой Галактической.

– Смирно! На палубе – слушать!

– Смирно! На палубе – слушать!

Адмиралов было двое. Оба командующих эскадрами человечества, отправленными на Йенно Мьюри. Черно-золото-белый русский, сине-золото-белый англосакс – сияли эполеты, ремни и перевязи тяжелых палашей. Пройдя со вски-

нутыми к фуражкам ладонями в белых перчатках между шеренгами лицеистов, они синхронно развернулись каждый под своим флагом.

Музыка смолкла.

– Вольно, – не скомандовал, просто сказал, русский.

– Вольно, – повторил англосакс.

Оба строя коротко пошевелились: почти неуловимо – расслабившие одно колено русские, синхронно и ясно – заложившие руки за спину и расставившие ноги англосаксы. Адмиралов – и своего и чужого – знали в строю все, хотя далеко не все собирались связать близкое уже будущее с космосом. Если только это было возможно – жить на Земле и не быть связанным с Космосом...

– Ребята, – почти по-домашнему сказал русский. Говорил он тоже по-русски. – Русские, англичане... все, кто сейчас тут стоит. Я видел, вы все были удивлены, когда услышали нашу песню. Я говорю – нашу, потому что она наша. Всех землян. И за последние два века она ни разу не звучала вот так – для всех... Все вы знаете, зачем мы летим на Йэнно Мьюри. Мы летим, ребята. Не англичане, не русские. Мы летим. Земляне. Мы собрали вас здесь, чтобы сказать то, что вы все, надеюсь, и так понимаете. Космос велик и равнодушен к слабым. Мы летим туда доказывать, что мы сильны. Так получилось, что нашим народам есть в чем обвинять друг друга... Но теперь представьте, с каким удовольствием вцепятся в нашу слабость наши враги. Как будут разоча-

рованы друзья. Как будут испуганы те, кто за щитом Земли нашел себе спасение от хищников со злым и мощным разумом – все вы знаете этих хищников в лицо и по именам... – Адмирал перевел дыхание. – Мы летим туда воевать. Это будет особая война. Война без объявления, война с улыбками и рукопожатиями, со словами о мире и разуме. Но в ней любой из нас может погибнуть. И проигрыш на ее полях будет, пожалуй, страшнее проигрыша в схватке космических эскадр. Так пусть же не будет меж нами розни! – Он медленно вытянул из ножен златоустовский палаш и, держа его на руках, как ребенка, четко повернулся к англосаксу. – Я, флота русского воинского адмирал и Империи Русской дворянин Ознобишин Виктор Егорович, на этом клинке честью своей клянусь, что не изменю ни в мыслях, ни в делах матери нашей – Земле! И в том присягаю и вручаю клинок и присягу брату моему...

Среди лицеистов побежал изумленный шепот – англосакс потянул из ножен шэффилдский клинок... Почти такой же, как у русского, тяжелый и прямой, только увенчанный головой льва, а не медведя...

Игорь встретился взглядом со стоящим чуть наискось слева англосаксом. Мальчишки как сцепились взглядами. И родилось тихое-тихое касание, при котором не важно – знаешь ты язык или нет, потому что все на свете воины думают и понимают одинаково...

«Ну?»

«А ты?»

«Ага, и я».

«Идешь?»

«Иду!»...

Мальчишки шагнули друг другу навстречу одновременно, доставая из прилегающих к бедру парадных ножен ножи – Игорь свою полевку, англичанин – длинный обоюдоострый дирк. И голоса их зазвучали синхронно... и тут же утонули в голосах других ребят...

5. Поле чести

Ох, как же Игорю не хотелось вставать этим утром...

Вчера вся флотилия праздновала День Жатвы⁸. Мальчишки выли от восторга – когда еще увидишь, как капитан линкора копает картошку?! Вообще, конечно, старшему в семье полагалось в этот день жать, но хлеб любого вида отказывался расти при искусственном освещении, как ни изощрялись ученые; картошка оказалась не столь требовательной. А уж что при этом распевали мичмана – это было не для женских ушей. Впрочем, на корабле женщин в экипаже не было, поэтому пассажирок ритуально загнали в спешно переоборудованный под гумно отсек для хранения образцов, где вся эта толпа гулко митинговала – вопреки, кстати, правилам, предписывавшим сидеть тихо, чтобы не разгневать ревнивых полевых летуний. Концерт, как и все самодеятельные концерты, тоже был полон бурного энтузиазма. Но и утро вспоминалось, и слова того же капитана – вечные слова про силу золотых колосьев и веру в животворящую Мать-Землю. Игорь знал эти слова наизусть, и все равно они каждый раз его волновали. И он видел, что и всех вокруг они волнуют,

⁸ 25 августа – в Русской Империи – символический день начала уборки урожая. Праздник в своем начале очень торжественный и даже суровый, но уже с середины дня, как правило, переходящий в полумаскарад. У англосаксов ему соответствует Сайклз Ринг.

даже тех, кто прожил на свете уже много десятилетий и видел не один такой день. Да и как не волноваться – если именно День Жатвы приобрел почти религиозный (насколько это было применимо к землянам) оттенок – после Безвременья с его, казалось, навечно умершей природой – некогда такой прекрасной? Ее возрождение для землян было практически мистическим...

* * *

Вот только загулялись они, конечно. К «вечеру» полковник Макаров начал, ругаясь, вылавливать хохочущих лицестов в самых разных местах корабля при помощи наряда из экипажа. Это так всегда бывает под конец Дня Жатвы – немного дураковатое веселье. Именно оно заставило Даньку Залова и Марьку Вишневого залезть в вентиляционную систему, ползать там и выть задыхающимися от смеха голосами... Их отловили последними и притащили в каюты в завязанных мешках, из которых торчали только головы. Развязывать мешки Андрей Данилович мстительно отказался.

Игорь улыбнулся в темноте, перевернулся на бок и испытал сильнейшее желание поспать еще – тем более что общей побудки, скорей всего, не будет. Это уже освоившийся организм поднял его в обычное время. Но потом мальчишка вспомнил, что они уже вышли из гиперра, а на саму Йэнно Мьюри прилетают завтра.

Завтра!!! Игорь сел, пробормотал ругательство. Хлопнул в ладоши, зажигая свет, – в таких помещениях, где постоянных хозяев не было, почти никогда не настраивали голосовые системы. На столе лежал так и не отключенный со вчера комбрас, в воздухе плавали строчки лекционного материала – Игорь вчитался:

Калмы:

Представители этой примитивной расы были завоеваны тысячу лет тому назад империей Сторкад. По сравнению с большинством других поработанных Империей рас калмы адаптировались в обществе сторков намного лучше, и сегодня лишь незначительная их часть все еще находится в рабстве. Большинство калмов торговцы и ростовщики – эти занятия, к которым сторки исторически относятся с неодобрением и презрением, все-таки крайне необходимы для их общества. Единственный открытый для калмов путь в продвижении по нелегкой социальной лестнице Сторкада – накопление огромного богатства, которое хотя и не дает им особых прав, но по крайней мере заставляет считаться с собой как с грязной, но неотъемлемой частью «механизма». Поэтому для большинства калмов главным является получение выгоды. Для них самое важное в жизни – заботиться о себе и о своей собственности. В то же время скупыми назвать их нельзя.

Мужчины: пронырливы, хитры и нещепетильны. Они не

очень любопытны, стремятся в жизни к стабильности и любят чувствовать себя в безопасности (старая поговорка сторков: «Ну, это калмский воин!» – означает что-то невероятное, небывалое и не встречающееся).

Женщины: обладают соблазнительными и очаровательными манерами поведения. Несмотря на их кроткий нрав, женщины калмов так же проворны и хитры, как и мужчины их народа...

Игорь тычком пальца отключил комбрас, переместился на пол и занялся гимнастикой, поглядывая на экран над дверью.

Нет, похоже, что сегодня их и правда не станут будить. Захотелось снова прилечь – да что ж такое, он и проспал-то всего три часа! Но Игорь напомнил себе, что от такого недосыпа еще никто не умер, а вот отсутствие побудки может быть просто-напросто провокацией: ну-ка, кто там решил заняться накоплением жировых отложений? Отмечаем галочками и вечером даем им вместо свободного времени свободный выбор – заниматься рукопашным боем или силовой гимнастикой.

На фиг-на фиг, не фиг-не фиг. Ищите ленивых добровольцев в других местах, а тут живет очень собранный и энергичный молодой человек.

Мальчишка от души скорчил рожу отражению в зеркале – металлическом полированном листе на двери...

Игорь уже принял душ и влезал в спортивный костюм, ко-

гда в дверь постучали и голос Яромира поинтересовался:

– Спишь?

– Заходи, – стоя на одной ноге, Игорь затащил захлест куда.

Дверь Яромир открыл, но внутрь не полез, спросил из коридора:

– Завтракать идешь?

– Иду. – Игорь переступил порог и тряхнул руку Яромира. С чехом за две недели полета они сдружились крепко. Яромир был большим специалистом по экономике иных миров и обладал инстинктами саблезубого енота с Закатной – то есть рассматривал все новое в пределах досягаемости как потенциальную добычу для пытливого ума и крепких лап и зубов. Но если енот приспособливал добытое исключительно в желудок, Яромир был озабочен благом Русской Империи. Личность совершенно неромантическая по меркам начала III века Г.Э., чех хорошо дополнял Игоря, чья русская душа требовала широты и размаха, из-за чего полковник намекал уже, что при подлете к цели их просто сбросят на поверхность как идеальную диверсионную группу – и мьюри головная боль, и Земле какое-никакое, а облегчение... Яромир промолчал, а Игорь не удержался и спросил, дадут ли им скафандры, или все будет как обычно, в результате чего провел целый час личного времени за чисткой этих самых скафандров дезинфектантами. Провел бы и больше, но после десяти минут одиночества на помощь его паре рук яви-

лись еще четырнадцать, а к концу работы прибежал дежурный офицер отсека – узнать, что случилось в «раздевалке» и откуда такие дикие звуки? На самом деле это всего лишь Антошка Валишевич показывал, как ревет дюнный рогач с его родной Нова-Гоби... Кто же был виноват, что он ревет так громко и – прямо скажем – довольно противно?

...В столовой отсека кроме них никого не было. Из людей. За столиком у экрана сидели и чинно ели двое офицеров-нэрионов, стажировавшихся у артиллеристов линкора. За воротники их мундиров с пышными эполетами были аккуратно заткнуты салфетки. У Игоря всплыли в голове строчки из повторенного как раз позавчера вечером материала.

Нэрионы

Вот уже два века союзники землян в каждой войне, трехпалые нэрионы ловки, трудолюбивы и очень ответственные. Из-за полного соответствия темпераменту землян нэрионы часто добиваются руководящих постов как в администрации, так и в военном деле. Очень неохотно воевавшие против Земли в годы П.Г.В. даже в моменты наибольших успехов ее врагов, нэрионы массово благодарны землянам за спасение своих планет, которые Чужие собирались «покарать за предательство» (еще до официального перехода Нэриана на сторону Земли вместе с землянами против Чужих активно сражалось несколько сот тысяч нэрианов – бывших военнопленных, откровенных перебежчиков, жителей

колоний)...

Мужчины: обычно высокого роста, подтянуты, с лисьи-ми чертами лица и подвижными чуткими ушами. Отличаются безупречными манерами и сдержанностью в общении.

Женщины: опрятны и уравновешенны, обладают мрачным юмором и трезвым взглядом на жизнь.

Впрочем, о нэрионах он и так знал немало, и не сухих строк пособия – он переписывался с двумя братьями, с которыми познакомился два года назад в пионерском лагере на Океаниде. Правда, Ю-Ас-Су и Та-Ас-Су родились и жили не на Нэриане, а на Атодаке, одной из колоний нэрионов, и в их метрополии не были ни разу. Страстные любители охоты, не обладавшие даже зачатками чего-то хотя бы отдаленно похожего на страх, нэрионы были помешаны вдобавок и на аквастрое, который, к удивлению Игоря, находился на очень богатом водой Атодаке в рудиментарно-смешном состоянии – на этой почве они и сошлись с Игорем и первоначально под его руководством просто разрабатывали проект подводного спорткомплекса. Потом выяснилось, что оба нэриона – на самом деле пионеры (на Нэриане уже давно то тут то там появлялись пионерские отряды), а не просто отдыхают в пионерлагере, потом было приключение во время похода – в подводных лесах на Рогах Дьявола...

– Ты чего застыл, садись, выбирай, – дернул Яромир Игоря и сунул карточку меню.

– Угу, выбор обалденный, – буркнул Игорь, садясь. – У тебя знакомые нэрионы есть?

– У отца сослуживцы, – ответил Яромир. – Неинтересные они какие-то. Сами не знают чего хотят.

– Зато ты очень интересный, – оскорбился за нэрионов Игорь и в знак протеста выбрал тушеную капусту с сосисками. – Из мешка вылез? – поинтересовался он у вошедшего в столовую Вишневого (Залова не было видно).

Мариан передернул плечами:

– Не напоминай, это было страшно. Темная пустая каюта, я лежу посредине в мешке, совершенно беспомощный, и слышу по углам шорох чудовищ...

– Это у него опять вентиляция барахла, – услужливо пояснил появившийся следом Андрюшка Ворожеев. Мариан ухитрился посмотреть на Андрея с высоты пятого этажа – Ворожеев изобразил «а мне наплеватеньки!».

– А Даньки так и нет, – отметил Игорь.

– Да был он, – усмехнулся Андрей. – Прибежал, покидал в трюм две нормы и убежал. Ему обещали, что отведут в ходовую рубку, и он почему-то решил, что это экскурсия. По-моему, там просто уборщик понадобился.

– А неплохо бы все-таки в иллюминаторы глянуть, – вздохнул Мариан. – Наверное, Таллар уже близко совсем.

– Газовый гигант, – согласился Яромир. – Должно быть, грандиозное зрелище. Я пробовал экран в зале на внешний обзор перенастроить – глухо, отрубается, и все тут.

– Наверное, чтобы мы не отвлекались от процесса подготовки, – предположил Тиудир, он тоже, видимо, решил позавтракать. – А то будем там дневать и ночевать... Кстати, этот Таллар интереснейшая штука. Первый раз вижу такой фокус: планета – газовый гигант, типа нашего Джупа, у нее обитаемый спутник, и все это вращается так близко к обычной звезде класса G.

– Этот Таллар – поменьше нашего Джупа, – напомнил Яромир.

– Меньше или нет, а поток излучения в его радиационных поясах, я думаю...

– А не надо думать, возьми и посчитай – ничего особо страшного.

– А вот сейчас и посчитаю...

Игорь рассеянно ковырялся вилкой в капусте, вполуха слушая мгновенно завязавшийся спор и разглядывая лица ребят.

«Может быть, они не ощущают того, что я? О чем они говорят? Спектральный класс... гигант... Они и правда не ощущают того, что там – за броневыми стенками – с бешеной скоростью приближается наше Поле Чести – мое и их? Или они ощущают то же, что и я, а все эти разговоры – просто дежурная маска? А под ней – нетерпение, ожидание, гордость, может быть, даже страх? Просто мы должны быть мужчинами, и мы надели эти маски... Или не только о нас речь, и все – все, все, все! – ощущают то же, что и

мы? Но разве это может быть? Кто мы – и кто капитан Жаров, кто – Его Высочество?! Как сложно разобраться... Ощущаю себя персонажем интересного кино. Но разве это кино?! Или так всегда бывает, когда происходит что-то на самом деле важное, на самом деле громадное – человек ощущает себя слишком маленьким, и ему легче, если представить себе, что все это – ненастоящее?

Перестаньте болтать о каких-то глупостях, – захотелось крикнуть ему, – ну же, хватит! Вы что, правда ничего не понимаете?!»

Он столкнулся взглядом с глазами Андрея. И ощутил, как вздрогнули уголки губ. В глазах Ворожеева были нетерпение, ожидание, гордость...

Только страха – страха там не было.

Ни капли.

* * *

В зале было почти темно, только дежурное освещение над входом горело, да в глубине голографического окна переливались и сплетались в танце серебристые и голубые огненные струи. Макаров, тихонько остановившись, различил своих мальчишек – они сидели кто где, в полной тишине, неподвижные. Слушали, как... кто?.. Димка Беляев, точно – стоя возле стены с заложенными за спину руками, читает стихи. Негромко так, и слова – вспышками в темноте. Как трасси-

рующие пули...

...И поднялись с живыми
Трупы в единый ряд.
Мертвые пальцы сдавили
Верный свой автомат.

Мертвый наводчик ищет
Цель для гранаты своей.
Ужасны бесстрастные лица
Однажды погибших людей!

И вновь из мертвых восставший
Смотрел командир, как враг,
По склону обратно бежавший,
Не мог одолеть свой страх...

Эндорфины, подумал полковник. Он знал много таких случаев и знал конкретно этот случай – древнюю «Оборону Мертвых», когда в одном из пограничных фортов «РА» во время Серых Войн сражались, не пропуская большую банду людоедов, воины, получившие по три, пять, а то и семь смертельных ран. Все объяснимо. Эндорфины, биоопиаты и прочее.

Он продолжал стоять неподвижно и слушать мальчишеский голос в темноте – четкий, ясный, только самую чуточку дрогнувший на строчках о том, как

...словно в Средневековье,
Чтоб победить до конца,
В ужасе вбили колья
Витязям павшим в сердца...

Эндорфины... да.

Только это не важно сейчас. Вот этим мальчишкам – на хрен не важно. Они и сами все знают – про эндорфины. И те бандиты тоже, наверное, знали.

Вот только каждому трупу витязя они и вправду вбили в сердце осиновый кол. И ни одного не посмели сожрать. И не пошли дальше...

...А в зале было совсем тихо. Совсем-совсем, хотя Димка умолк. Через очень долгую минуту кто-то пошевелился, еще кто-то сказал нарочито-беспечно:

– Кто споет, раз уж вместе сидим?!

– Давайте я, – отозвался Володька Немиров. – Эй, кто там ближе – дайте гитару.

– Держи, – ему перебросили инструмент.

Полковник Макаров прикрыл глаза... Осталась темнота с гаснущими огненными кольцами – и голос мальчишки с бешеным ритмом гитары:

Ветер – опора мне! Падаю в звезды.

Сердце не выдержит? Выдержит воздух!

Память моя – жестокая плеть...

Бойтесь не гибели – бойтесь стерпеть!

Бойтесь не судей – бойтесь не сметь!

Синее небо —
черная смерть...

Синее небо —
черная смерть...

Синее небо —
черная смерть...⁹

Раздался стук – угасающий стук по корпусу гитары.

Полковник оттолкнулся от косяка и ворчливо сказал в темноту:

– Свет включите, ну?

Быстрая беготня, возня, вспыхнуло освещение. На Макарова смотрели пятнадцать мальчишеских лиц, даже чем-то одинаковых. Но за последние два с лишним месяца Андрей Данилович изучил своих подопечных очень и очень хорошо. Не были они одинаковыми. И именно поэтому составляли отлично функционирующий организм с молниеносными реакциями, отличной хваткой и мощным коллективным разумом.

– Так. – Макаров прошел к выдвинувшемуся из стены столику, положил на него оттянувший руку металлический кейс. – Удачно, что я вас тут застал, не надо ни за кем бегать по каютам... Завтра мы прибываем. Готовьтесь вволю погулять по совершенно новой не то что для вас – для всех землян планете.

⁹ Стихи Элхэ Ниэннах.

Оживленное шевеление, шепоток, блестящие глаза.

– Андрей Данилович, разрешите вопрос. – Игорь Сурядов поднял руку. Полковник кивнул. – Что, вот так просто *пойдем погулять*? Или это вы, так сказать, фигурально выражаясь?

– Во-первых – да, пойдём, и что в этом плохого – увидеть новую планету? – спокойно ответил полковник. – А во-вторых... конечно – нет. Вы будете гулять под прицелом. На вас будут смотреть, и будьте уверены, если вам приспичит плюнуть в плевательницу – ваш плевок оттуда выскребут и изучат на субатомарном уровне. На вас будут смотреть, смотреть очень внимательно – и совсем не дружелюбно, потому что друзей там у нас нет. *Пока* нет. – Полковник выделил голосом это слово. – Поэтому ваша задача – произвести впечатление. Такое, чтобы оно оказалось посильней любого военного флота на орбите... – Офицер подождал, пока мальчишки переварят сказанное, потом продолжил как ни в чем не бывало: – Это не значит, что вы должны лезть в драки на пустом месте, вызывать на дуэль из-за косога взгляда, как считают кое-где у наших соседей некоторые придурки, знающие земных дворян лишь по скверным местным фильмам. Нет. Но и спускать явных оскорблений тоже нельзя. Негодяй должен получить по заслугам – так, чтобы желающих повторять не нашлось. Только... – Полковник замолчал, и пауза нехорошо затянулась. Мальчишки тоже молча ждали. Игорь ощутил, как где-то в глубине души сгущается напря-

жение. Это была уже совсем не игра. Даже не соревнование, пусть сколь угодно жесткое и жестокое, на какое они настроивались. Это была... да, это, пожалуй, была и правда – война. – Ребята, вы должны быть очень осторожны, – наконец закончил свою мысль полковник. – Вы просто не представляете себе, что это за общество. Никакой симулятор не может дать точного представления об этом. Уровень преступности на Йэнно Мьюри очень высок. Но, что еще хуже, там хватает психопатов, готовых открыть стрельбу – просто так, в приступе безумия, – швырнуть в толпу бомбу, распылить ядовитый газ или даже сделать кое-что похуже.

– Что значит – хуже? – прямо спросил Игорь. Услышанное не укладывалось у него в голове с точки зрения элементарной логики, считавшей, что все действия человека должны иметь под собой рационально объяснимую и понятную основу – поиск нового, защиту своих... Зачем, например, распылять среди собственных сограждан ядовитый газ? Мальчишка вспомнил, как в прошлом году они бурно обсуждали историю на Сумерле, где один из местных деловых людей, Карев, помог агрессивным туземцам устроить взрыв около школы¹⁰. Все единодушно решили, что Карев был генетически неполноценным, даже странно, как его прозевали до родов...

– Хуже – это, например, использовать вот эту штуку. – Полковник выложил на стол странное устройство – бредо-

¹⁰ См. : Верещагин Олег. Новая родина. СПб.: Лениздат, 2010.

вый гибрид гигантского шприца и кустарно сделанной винтовки. Выглядел он омерзительно. – Это ручной метатель кислоты. На Йэнно Мьюри находятся психи, которые поливают прохожих вот из этого – в «знак протеста» или просто для потехи. Поэтому вы должны быть всегда вооружены.

– И нам позволят везде ходить с плазмой? – с сомнением спросил Яромир.

Полковник усмехнулся.

– С армейскими плазмометами, конечно, не позволят – их ношение там запрещено. Запрещено вообще носить оружие – открыто, разумеется. Так что... надеюсь, что пистолеты у всех у вас с собой? – Мальчишки согласно закивали. На Земле не было нужды носить с собой оружие, но пацан без оружия, да еще и лицеист, это не мальчишка, а недоразумение. Совсем недавно они получили право иметь собственное оружие в постоянном владении и, согласно традиции дворянства, закупили каждый тот образец, какой хотел.

– Хорошо. Не расставайтесь с ними. Нигде. Никогда. Кроме того, я бы посоветовал вам носить виброножи.

Игорь поморщился. Он не любил этого оружия – да и мало кто его любил. На вид вибронож мало чем отличался от обычного, но в его рукоятке скрывался генератор ультразвука, заставлявший лезвие вибрировать с невероятной быстротой. Такой клинок без особого нажима разрезал надвое шестидюймовый сосновый брус, а любого живого противника буквально разваливал. Виброножи не любили отчасти поэто-

му – эффект их применения был слишком уж... грязен – но в основном потому, что генераторы ультразвука могли отказать или исчерпать заряд, а без них любой, привыкший рассчитывать лишь на проникающую мощь виброножа, становился практически беспомощным. Дворяне изучали вибронож, но лишь по обязанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.